

ЕВДОКИЯ ТУРОВА КЕРЖАКИ

Евдокия Турова Кержаки (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9746204

Евдокия Турова. Кержаки. Проза: Маматов; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 5-91076-002-5

Аннотация

Тема книги редкая и особая. Книгу составляют прозаические произведения и исторические сведения о крестьянах-староверах, называемых кержаками, а также размышления и жизненные наблюдения автора за их бытом и семейным укладом. Интересна и часть книги «Семейный альбом», в котором представлены старинные фото семей кержаков и современные снимки их потомков.

Автор сердечно благодарит тех, кто делился с ней своими воспоминаниями, кто предоставил фотографии своих предков, бережно хранимые в семьях уже целый век. Особая признательность и благодарность Михаилу Леонидовичу Пищальникову, который организовал и финансировал издание этой книги.

Содержание

От автора	5
Сроки, отведенные историей	8
Великий раскол и кержаки	8
Кержацкий характер. Мнения и суждения	12
Пермская изба – вятская – новгородская	16
Всему голова	18
Пернатая корова, или Курица не птица	21
«Толстые» щи из каменной печи	23
Исторические патенты	26
«Сроки, отведенные историей...»	31
Семейный альбом	34
Семья Пищальниковых	35
Семья Овчинниковых	45
Семья Власовых—Шадриных	48
Семья Коровиных—Беклемышевых	59
Семья Блиновых	63
Семья Вохминовых—Каменевых	65
Семья Чудиновых	68
Семья Туровых—Овчинниковых—Беклемышевых	70
Слезы лиственницы	77
Часть первая	77
Штофик с ядом и телица легкого поведения	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Евдокия Турова

Кержаки (сборник)

© Е. Турова (В. И. Овчинникова). Текст, иллюстрации. 2007
© ООО «Маматов». 2007

* * *

Книгу, которую вы, дорогие читатели, держите в руках, написала Валентина Ивановна Овчинникова. Она физик по образованию, кандидат технических наук. Детство ее прошло в кержацкой деревне в доме бабушки Г. Ф. Турова, староверческого начетчика. Бережно воспроизводит она в своих рассказах детали быта крестьян-староверов, их привычки, характер, образ жизни и мелодику речи деревенских жителей. Можно «жизнь делать» с некоторых героев, настолько они основательны, умны, так высока их культура. Почти все герои не вымышлены, они носят те же имена и фамилии, от рассказа к рассказу можно проследить судьбу некоторых семей до четвертого колена.

Автор приглашает полюбоваться лицами людей на старых и новых фотографиях, доброму представляет в «Семейном альбоме» снимки предков и потомков кержаков, своих родственников и тех, с кем она познакомилась при работе над своими произведениями. Прекрасные лица молодых людей на современных фото хранят родовые черты. Сквозь всю книгу проходит не только нота печали, что жизнь и суровые годы революции, Гражданской войны, коллективизации и репрессий разметали по свету кержацкие семьи и их потомков. В рассказах звучит надежда на будущее.

От автора

Тема этой книги предельно узкая, даже географически. Мои герои – кержаки, крестьяне-староверы, которые жили в Оханском уезде Пермской губернии. Это территория в западной части нынешнего Пермского края: от Камы на востоке до границы с Удмуртией и Кировской областью (бывшая Вятская губерния) на западе. Границы, однако, достаточно условны. Оханский уезд можно считать частью Вятской земли. А за Урал кержацкая диаспора расплескалась по всей Сибири.

Мой интерес к этим людям объясняется тем, что предки по линии отца и (более отчетливо) по линии мамы (Туровы) были оханскими староверами. Мое раннее детство прошло в кержацкой деревне, в доме деда Григория Филипповича Турова, тетки Ксеньи Григорьевны. Нянькой была «баушка» Федотовна. Я хорошо знаю деревенский говор, весь уклад крестьянской жизни.

Но тема только на первый взгляд кажется узкой. Прикосновение к ней буквально открыло для меня историю Прикамья, Вятку и Новгород Великий. Я была настолько поражена историческим масштабом, что возникла потребность поделиться узанным с читателями. Так началась работа над книгой.

Чаще всего можно услышать или прочесть, что кержаки – выходцы с речки Керженец в Нижегородской губернии. Однако там староверов издавна называли калугурами. А вот оханские староверы всегда считали себя именно кержаками, хотя происхождение они имели вовсе не нижегородское, а вятское. Да и кержаки Сибири, как утверждают сибирские этнографы, являются выходцами из Пермской и Вятской губерний.

Для меня очень важно то, что мама мне когда-то сказала: «Мы – кержаки!» С тем и живу. И потому псевдоним себе выбрала – имя и фамилию моей мамы Евдокии Туровой.

О расколе, породившем явление старообрядчества, написано очень много. И если бы я могла где-то прочесть то, что меня интересовало, я бы писать не стала. Однако про оханских предков-староверов от мамы я слышала одно (да и сама кое-что помнила), а читала совершенно другое.

Трудно мне судить, насколько скажу по-новому, но что по-своему – это точно. Да, о староверах писали исследователи, есть и художественные произведения. Но, во-первых, это был взгляд извне, в отличие от моего. А старообрядческое сообщество предельно закрытое, староверы всегда относились к чужим недружелюбно, знания чужим передавать было запрещено. Вот и приходилось пишущим о них людям обходиться по большей части выдумками. Во-вторых, старообрядческая тема зачастую сводилась к изучению распри раскольников с Русской православной церковью. Но самая главная нелепость в том, что раскольники-де в Пермскую губернию прибежали из Москвы и местное население сагитировали в раскол.

Скажите, можно ли агитацией повернуть реку в другую сторону? Или гору сдвинуть? Тот, кто видел натуральных кержаков вживе-въяве, понимает, что никакой агитатор не смог бы создать их детально регламентированный крестьянский образ жизни. Уверена, что не «коноводы раскола» сделали мужиков такими – напротив, раскол приобрел свои широко известные черты потому, что таковы были они, кержаки наши упертые.

Свои рассказы о кержаках я не считаю броским рыночным продуктом. Хотя сделать это несложно: у нас про раскольников хоть какую дурь напиши – поверят. То они бандиты-разбойники, то дикари-сектанты...

С детства запечатлелось в моей памяти старинное раскольничье кладбище, могила бабушки. Выросли там громадные ели, а под ними – холмики, где-то крест стоял, а где-то подгнил и его положили на холмик. Вот и все. Староверы не устраивали пышных надгробий – никогда. Говорили так: «На том свете ты свой памятник на горбу таскать станешь!» Да

так уверенно говорили, будто видели. (Они, наши лапотные Нострадамусы, вообще массу пророчеств оставили.) Из земли пришедшие в землю ушли, вознеслись к небу громадными елями. И начини я их памятью спекулировать, так эти мои кержаки упертые, они же в гробах перевернутся и проклянут с того света!

Крестьянин-кержак видится мне, физику по образованию, естествоиспытателем, человеком, который находится в постоянном и напряженном диалоге с природой. Результаты этого диалога он познает на собственной шкуре! Способы хозяйствования, самоорганизация кержаков – вот что меня интересует.

Думаю, изучение истории кержаков поможет понять национальный русский характер. Вятская община, наша прародина, никогда не была под игом Орды, имела развитое самоуправление, зажиточное крестьянство. Падение Вятки, завоеванной московскими князьями в конце XV века, не изменило ее народ. Начался «исход» Вятки на юг и восток. Расплескался народ вятской общины по всему Поволжью, Уралу и Сибири. Таков был исторический процесс.

Люди выбрали для себя разные дороги. Вятские ушкуйники умчались в гребенские (гребенцовские) казаки. По Вятке и Волге – на Дон, там и возникло донское казачество, которое удивительным образом сочетало воинственность с хозяйственностью. Это о них и толстовские «Казаки», и шолоховский «Тихий Дон». У казаков и ныне эталоном настоящего мужчины считается отважный, гордый и свободный духом, независимый человек, который ощущает свою особость и превосходство над соседним населением. С гонором народ, это да. Что казаки, что кержаки.

Многие крестьяне пошли осваивать новые земли на восток, сохранив в упрямом кержачестве вятскую вольность. Так что культура оханских кержаков имеет мощнейший исторический фундамент. Батюшкой их был Великий Новгород, матушкой – Вятка, а братьями – донские казаки. Разве можно от такой-то родни отворачиваться?!

Категорически и сразу отмету упреки в национализме. Вынуждена это сделать, поскольку есть любители спекулировать данной тематикой. Определенная элитарность, конечно, была в кержацком населении. Однако если посмотреть на фотографии, то на некоторых из них можно увидеть красивую кержачку с явно не славянским лицом! Если бы старообрядческая часть населения не ассимилировала некоторых (лучших!) представителей (чаще, конечно, представительниц) соседних народов, то она бы быстро выродилась.

Насколько актуальна эта книга, решать, конечно, читателям. Состояние здоровья сограждан и угроза вырождения заставляют задуматься, сколь необходим крестьянский слой между биосферой и социумом, сколь ценен крестьянский опыт. Они-то тут веками жили, без проблем размножались и на здоровье не жаловались. Вряд ли сейчас можно говорить о воссоздании культурного наследия кержаков. Хотя бы нам надо знать и помнить, что мы потомки крестьян-первопроходцев этих земель.

О носителях культуры и созидателях эта книга. Она основана на архивных материалах и беседах с потомками кержаков, которые рассказывали мне о своих предках. Книга состоит из трех частей.

Современному читателю, даже если у него в роду были староверы, многие исторические факты раскола неизвестны, а деревенские реалии абсолютно непонятны. Чтобы отчасти восполнить этот пробел, в первой части «Сроки, отведенные историей...» есть краткие сведения об истории кержачества, суждения, мнения и мои личные воспоминания о характере староверов, их образе жизни, питании. Надеюсь, что информация может быть полезной.

В «Семейном альбоме» можно увидеть на снимках лица людей, живших давно, или их потомков, ныне здравствующих. Фотографии поясняют небольшие рассказы об их судьбах. Все фото даны были мне из семейных архивов и публикуются впервые. Удивительные лица, потрясающие судьбы...

В завершающей части «Слезы лиственницы» представлены мои прозаические произведения. Ничего не выдумывая и не перелопачивая то, что кто-то где-то уже написал, я, внучка староверческого начетчика, обрисовывала в своих рассказах ситуацию в беспоповской деревне. Я старалась воспроизвести тот мелодичный и выразительный говор, который слышала в детстве. Например, ныне можно услышать жесткое пермское «чо», но не так говорили мои предки. Помню, тетя моя произносила очень мягко слово «цё». Чтобы хоть отчасти показать мелодику говора, остановилась на «золотой середине», выбрав написание «чё», хотя и предлагает В. Даль в своем «Словаре русского языка» писать слово так: «чо».

Эта книга не только моя. Свою огромную признательность хочется выразить всем, кто участвовал в ее создании. В первую очередь, кержацким потомкам, не забывшим, кто они есть. Вот имена этих людей:

Леонид Иосифович Пищальников
Евгений Акимович Туров
Татьяна Титовна Городилова
Нина Федотовна Хренова
Любовь Прокопьевна Мацова
Алексей Федорович Сальников
Даниил Никитич Юрков
Галина Николаевна Варганова
Михаил Леонидович Пищальников
Евгений Борисович Смирнов.

Мы соавторы с каждым из этих людей. Они замечательные! С огромным интересом, уважением все относились к моим расспросам и просьбам, понимая важность задачи – создать книгу о кержаках как бы изнутри. Их воспоминания и фотографии из семейного архива и послужили основой книги. Спасибо!

Работа над книгой «Кержаки» началась при деятельном участии Маргариты Вениаминовны Тарасовой, прекрасной художницы и удивительного человека. Светлая память о ней всегда со мной.

С благодарностью и печалью помяну своих родителей: Евдокию Григорьевну Овчинникову (Турову) и Ивана Васильевича Овчинникова. И литературный псевдоним мне не надо было выбирать: Евдокия Турова – так звали маму. Они уже не были крестьянами, но отец жил и умер с мечтой о своей земле. Мама была настоящей кержачкой по уменьям и характеру, с огромной любовью к деревне, уважением к крестьянству, непоколебимой уверенностью в том, что наши предки были людьми высокой культуры. Светлой памяти отца и мамы, а также деда Григория Филипповича Турова, любимой тетушки Ксеньи Григорьевны Туровой посвящаю эту книгу.

Евдокия Турова

Сроки, отведенные историей

Великий раскол и кержаки

Кержаков называли раскольниками. «Раскол – отделение от Русской православной церкви части верующих, не признавших церковные реформы Никона 1653–1656 годов». Такое определение дает «Советский энциклопедический словарь» (М., 1985). Наиболее яркими фигурами этого времени являются патриарх Никон и протопоп Аввакум.

Патриарх Никон (1605–1681) – политический и церковный деятель, сыгравший центральную роль в реформах русского православия в эпоху царя Алексея Михайловича.

Выходец из семьи крестьянина-мордвина, Никита Минов (имя патриарха в миру) родился в селе Вельдеманово (ныне Перевозский район Нижегородской области). Уже 19-летним юношей он стал священником в соседнем селе. Женился, но после смерти своих троих детей окончательно ушел из мира, избрав путь монашеского служения. В 1635 году принял постриг в Соловецком монастыре, в крайне суровых и аскетичных условиях Анзерского скита. С 1643 года – игумен Кожеозерской обители.

Явившись с берегов Белого моря на представление царю (1646), Никон обратил на себя благосклонное внимание Алексея Михайловича и был поставлен архимандритом московского Новоспасского монастыря. Став митрополитом Новгородским (1648), он решительно способствовал подавлению местного бунта в 1652 году. В том же году, после кончины патриарха Иосифа, был избран всероссийским святителем.

С весны 1653 года патриарх Никон приступил к реформам, своей жесткой решимостью и отсутствием дипломатического такта фактически спровоцировав начало церковного раскола.

Никон был личностью богато одаренной, человеком кипучей энергии. Однако до сих пор продолжают споры о том, на что были израсходованы эти колоссальные усилия и каковы итоги патриаршества Никона. Одни (причем не обязательно старообрядцы) считают Никона повинным в возникновении раскола и едва ли не во всех последующих бедах России, вплоть до XX века. Другие считают патриарха-реформатора величайшей фигурой русской истории XVII века.

Перестройка обрядности и богослужения встретила большое сопротивление. На Руси, где грамотность и, тем более, книжная ученость были достижениями немногих, главным источником научения вере было богослужение. Церковная обрядность давно и прочно вошла в быт, организуя его и подчиняя. Определенные жесты и слова сопровождали человека с первых до последних дней жизни, сливаясь в сознании с его переживаниями и ощущениями. Замена одних символов, выражающих связь человека с высоким и священным, на другие никогда не бывает безболезненной. А в данном случае замена осуществлялась еще и весьма грубо.

В Русской церкви было принято древнее двуперстное крестное знамение: крестились двумя пальцами правой руки, что должно было напоминать верующему о двойственной природе Христа – божественной и человеческой. Крестное знамение для православного верующего – это больше, чем просто напоминание о крестном подвиге Христа. Это еще и знак сопричастности спасению, знак победы над злом, выражение Божьего присутствия в человеческой жизни, желания человека подчинить свою волю воле Создателя и, таким образом, божественному плану спасения мира. Поэтому даже простое изменение формы крестного знамения уже глубоко затрагивало чувства верующих. Тем более что речь шла о людях, для которых привычный обряд давно стал естественным выражением серьезных религиозных

переживаний. При Никоне начали вводить «трехперстие». В восточных православных церквях к XVII веку повсеместно было принято трехперстное сложение при крестном знамении, почти такое же древнее, как и двуперстное.

Соединение трех первых пальцев означает единство Бога в трех лицах, или святую Троицу, а прижатые к ладони остальные два пальца – две природы Христа. Новая символика могла бы привиться менее болезненно, если бы не самоуверенность властей, не желавших принять во внимание человеческие чувства: блеск православного царства затмевал живых православных людей, которые становились лишь орудиями осуществления этого идеала. Обрядовым расхождением был придан принципиальный характер как различиям в вере.

Никон всячески стремился к усилению внешнего великолепия и внутренней государственно-экономической значимости Русской церкви как законной преемницы византийской святости. Упорно проводя идею о том, что «священство выше царства», он вживался в титул «великого государя» (во время польско-литовских походов 1654–1656 годов). Не желая делиться властью (а по сути – уступить ее патриарху), царь в итоге резко разошелся со своим былым любимцем. Собор 1667–1668 годов, подтвердив Никоновские реформы, в то же время снял с их инициатора патриарший сан, причем главным обвинителем на соборе выступил сам царь.

Никона сослали под надзор в Ферапонтов монастырь. Лишь в 1681 году царь Федор Алексеевич разрешил ему вернуться, попутно начались переговоры и о возможности его восстановления в прежнем святейшем достоинстве. Но по пути в Москву 17 (27) июля 1681 года Никон скончался в Ярославле и был погребен в Новом Иерусалиме по патриаршему чину.

Однако дело Никона было продолжено.

Притеснения сторонников «старой веры» с особой силой развернулись во время правления Петра I, который провозгласил себя врагом раскола. Старообрядцев при Петре преследовали жесточайше, и очень большая часть трудолюбивого, искренне верующего населения была на 300 лет поставлена вне закона.

Яростным противником реформ Никона был протопоп Аввакум, идеолог и один из вождей старообрядчества.

Аввакум Петрович (1620 или 1621–1682) родился в семье священника. Он рано потерял отца и воспитывался богомольной матерью. В 23 года он стал священником в селе Лопатицы Нижегородского уезда. Аввакум обладал могучим даром проповедника, но, ревностно исправляя нравы прихожан, вызвал всеобщее недовольство. Он непрестанно спорил с начальством, был не раз бит, преследуем и изгнан вместе с женой и малолетним сыном. Ища защиты, Аввакум отправился в Москву, где царский духовник Иван Неронов представил его царю. Получив в Москве поддержку, Аввакум вернулся в село, в разоренный дом, но был изгнан вторично. В 1652 году он поступил священником в Казанский собор Москвы. Когда патриарх Никон стал проводить церковную реформу, Аввакум выступил против с «огнеопальной ревностью»: «До нас положено – лежи оно так во веки веков!» За это Аввакум был заключен в монастырь, а затем сослан с семьей в Тобольск, оттуда – в Даурию (Забайкалье), где Аввакум очень бедствовал и у него умерли двое сыновей. В 1663 году царь вызвал Аввакума в Москву, надеясь привлечь на свою сторону популярного противника. После падения Никона протопопа встретили, «яко ангела Божия». Ему сулили должность царского духовника и деньги, но Аввакум не поступился своей верой ради «сладости века сего и телесных радости».

Убедившись в неуступчивости Аввакума, царь сослал его в Мезень. В 1666 году на церковном соборе мятежного протопопа лишили сана и проклинали. В ответ Аввакум возгласил анафему архиереям. В 1667 году он был отправлен в заточение в Пустозерск, в «место тундрявое, студеное и безлесное». Аввакум прожил 15 лет в срубе, в земляной тюрьме, где и

написал около 70 произведений. Лишенный возможности учить и обличать, Аввакум обратился к литературе как единственно доступному способу борьбы. Движение раскола приобрело характер антифеодалного протеста и имело много последователей. К ним и обращался Аввакум своими сочинениями. Он автор «Жития» – первого в русской литературе опыта автобиографии, где живым разговорным языком описаны его судьба и Русь XVII века. Этот шедевр не раз переводился на европейские и восточные языки. «За великия на царский дом хулы» Аввакум был сожжен в срубе.¹

Очень часто русский раскол представляется явлением внутрицерковным, затрагивающим верхушку тогдашнего общества. Однако эта тематика (раскол и старообрядчество), то уходя в тень, то снова появляясь на общественной арене, демонстрирует как уровень недоказанности, недоизученности, так и то, что прикосновение к ней затрагивает нечто существенное, очень важное в русской истории.

По смыслу раскол предполагает наличие некоего целого, которое в силу исторических причин разделилось (расколослось) на части. Возникает вопрос: а было ли оно, это единое целое? Была ли когда-нибудь, до раскола, православная церковь единой, была ли единой страна? Страна, только что собранная на «живую нитку» завоевательными походами московских князей? Страна, только что пережившая польское нашествие, Смутное время, становление новой династии? Был ли единым народ, что он собой представлял?

Явление старообрядчества Ф. М. Достоевский считал глубоко знаменательным для русской национальной жизни. В статье «Два лагеря русских теоретиков» (1862) он, пытаясь разобраться в том, «что произвело русский раскол», упрекает славянофилов, которые «не могут с сочувствием отнестись» к последователям Аввакума, и опровергает точку зрения на раскол западников: «Ни славянофилы, ни западники не могут, как должно, оценить такого крупного явления в нашей исторической жизни. Они не поняли в этом страстном отрицании страстных стремлений к истине, глубокого недовольства действительностью».

Церковный раскол и упорство старообрядцев в отстаивании своих убеждений, принимаемые западниками за проявление «дури и невежества», Ф. М. Достоевский оценивает как «самое крупное явление в русской жизни и самый лучший залог надежд на лучшее будущее».

На страницах «Времени» печаталось и исследование о бегунах А. П. Щапова «Земство и раскол», в котором противодействие старообрядцев рассматривается как «мечь за угнетение и жажда воли». «В бегунах, – писал Щапов, – преимущественно выразилось отрицание ревизской, военно-служилой и податной прикрепленности душ, личностей к империи и великорусской церкви и порабощенности их властям и учреждениям той и другой».

Наиболее точно, на мой взгляд, исток раскола указал П. И. Мельников-Печерский в «Письмах о расколе» в 1862 году:

«...Не будучи в силах бороться, русский народ противопоставлял железной воле реформатора страшную силу – силу отрицания. Петр постигал, что за мощная, что за непреодолимая эта сила, единственная сила, которую выработал русский народ под гнетом московской централизации, воеводских притеснений и крепостной зависимости, сила, заменившая в нашем народе энергию, заснувшую с тех пор, как сняты были вечевые колокола и вольное слово самоуправления замолкло перед лицом Москвы».

Так что раскол в широком, не только внутрицерковном, смысле берет свое начало от московских завоеваний, с XV века. Именно там, где веками звучал вечевой колокол, грозно загремел набат раскола...

Старообрядцы, происходившие из Вятки – Новгорода, были едва ли не самой «продвинутой» частью русских людей. Широко распространенная грамотность, неведение ужа-

¹ Шикман А. П. Деятели отечественной истории / Биографический справочник. – М., 1997.

сов татарского ига, сохранность накопленных за многие годы культурных ценностей, в том числе ценнейших книг, устойчивые традиции народно-вечевого самоуправления – все это поднимало самосознание этой части русских людей. Не стоит поэтому удивляться их высокому чувству собственного достоинства, развитой потребности в духовной свободе.

Несомненна искренняя забота старообрядцев о чистоте нравов, о здоровой нравственной атмосфере. Тогда как государственная власть не могла и даже не пыталась заниматься воспитанием народа, а официальная церковь зачастую компрометировала себя недостойным поведением.

В обвинении староверов видится недовольство властей тем, что в низах общества распространяются грамотность, книжное знание, образованность. Эти изменения означали способность людей самостоятельно судить о сущем и должном, свободно выносить критические оценки, делать нелицеприятные выводы, предлагать свои рецепты организации и устройства духовной и практической жизни, не совпадающие с интересами власть имущих.

Противостояние староверов с официальной церковью никогда не имело агрессивного характера. Они не были разрушителями ни в одном из проявлений своей религиозно-гражданской активности. Может быть, именно поэтому, несмотря на мощное государственное давление, «низовой» религиозной войны нигде в России не было. В глубине души «старую веру» и ее сторонников уважали, признавали их влияние, причем во всех слоях населения.

Так что наши предки никакие не раскольники. Они просто были такими, какими были. И не позволили тяжелейшим историческим обстоятельствам изменить себя.

Кержацкий характер. Мнения и суждения

Слово «кержаки» имеет в литературе устойчивое определение: выходцы с речки Керженец в Нижегородской губернии. Однако именно там староверов издавна называли калугурами.

На Урале оханские староверы всегда называли себя кержаками, хотя имели вятское происхождение. Некоторые этнографы утверждают, что выходцы из Пермской и Вятской губерний считали себя кержаками.

Порой нелестны многочисленные суждения о кержаках, об устройстве их жизни и особом характере. Своеобразие поведения кержаков нередко просто высмеивали: «Вот какие эти кержаки смешные были! Не пускали к себе никого, только из своей посуды ели, чудаки!» Так ведь некому пускать-то было! Те, кто пускал, вымерли давно от вши тифозной, или сифилиса, или холеры. Центр России эти напасти периодически просто опустошали, а здесь, на Урале, Бог миловал. А все потому, что кержаки самостоятельно, задолго до европейской науки, разработали детальный гигиенический комплекс жизни, ввели строжайшую чистоплотность, уходя при необходимости в карантин. Тем они и спасались. И не только сами. Хорошо известно, что, узнав о надвигающейся чуме, московская знать отводила своих детей в семьи староверов. Для спасения. «Вера старая, крепкая, оборонит», – так думали и те, и эти.

Мы-то, теперешние, оснащенные научными знаниями, можем поглубже осмыслить? «Бесы ищут по ночам немытую посуду нерадивых хозяек (кержаки про таких хозяек покрепче выражались: засранки, да и все!). И тамока имя, бесовьям-те, полное раздолье! Уж они тамока и купаются, и свадьбы играют, и бесят родят. И как ты станёшь из той посуды исть, оне, бесовья-те, в рот заскочат и загубят». И если заменить слово «бесы» словом «микробы», что получится? Современное научное наставление по санитарии и гигиене. И представьте только: это суждение было создано не позже XVI века, пять столетий назад! Это что, «дичь и темнота»? Или это и есть культура?

Старообрядческое сообщество было предельно закрытым, к чужим относилось недружелюбно. По этой причине суждения о них были, например, такими: «Это был сильно развитый народ, хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквоеды, народ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый в высшей степени». Так Ф. М. Достоевский писал о сибирских старообрядцах. Суждение, думается, искреннее. Кержаки те еще люди были, если говорить о характере.

Кержака упертого, его, и верно, не нагнешь. Ему что? Он вон в чисто поле выйдет, лаптем землю поковыряет, в затылке почешет да и возьмет от этой земли все: и пропитание, и одежду, и дом поставит, и мельницу изладит. Лет через пять вместо голого места – полное хозяйство и в ребятах прибыток. Что ему, мужику, графья-дворяне, которые не уважают его? А он от Ильмень-озера до Оби всю землю прошел и обжил. Всех накормил и одел-обул. Он себя уважает, хотя и слабо знает свой исторический путь. Мужик свою значимость чувствует.

Российское общество этой значимости не чувствовало никогда. Отношение к кержакам было завистливо-неприятным, описание их быта высасывали из пальца, поскольку внутри никто из описателей не бывал. И чего-чего только не напридумано, какого бреда не нагорожено! И в семьях террор, и в религиозной жизни истязательства! Староверы, мол, упорно цеплялись за уже отжившие традиции! Интересно, где это в России бытовали, но отжили традиции чистоплотности, трезвости и общей целесообразности жизни? А если были, то почему же их считать отжившими? Чего ж за них не цепляться?

Чтобы не одичать, культурные навыки нужно не выкидывать, как хлам, а накапливать, передавать от семьи к семье, от поколения к поколению. Понимать и ценить их нужно! Ведь,

как ни суди, на нашей суровой земле до староверов никто успешно не крестьянствовал; а их с корнем повывирали – земля вновь дикой делается...

Самое главное, что никогда не понимали и не ценили, – стремление и способность кержаков жить в согласии. Рассыпанная по всей России диаспора староверов была самоуправляющимся, самодостаточным сообществом, которое выживало в любых (в любых!) природных и социальных условиях. Если была возможность, староверы работали на заводах, занимались ремесленничеством и торговлей. Если таких условий не было – уходили в изоляцию, на полное самообеспечение.

Старообрядчество имело крепкие семейные устои, поддерживаемые и укрепляемые всей сутью жизни крестьянина. В семье, где иногда насчитывалось по 18–20 человек, также все строилось по принципу старшинства. Во главе большой семьи стоял старейший мужчина – большак. Ему помогала хозяйка – большуха. Авторитет матери – большухи – был непререкаем. Дети и невестки называли ее ласково и почтительно: «маменька». В семье сложились и поговорки: жена для совета, теща для привета, а нет милей родной мамоньки; материнская ладонь высоко поднимается, да не больно бьет; материнская молитва со дна моря достанет.

Авторитет главы семейства? Да, был, но не авторитарным было это сообщество. Держалось оно не на страхе, а на совести членов семьи, на уважении к нему, большаку. Такое уважение заслуживалось только личным примером, трудолюбием и добротой. И опять вопрос: отжившее это или это недостижимое?

А отношение к детям? Счастлив был тот ребенок, который родился в кержацкой семье или хотя бы смог ощутить тепло рук деда и бабушки. Ведь дом с детьми – базар, без детей – могила, а один и у каши сирота.

Воспитанием детей занимались все, вся община. Но так как в любой семье почитание и уважение старших было нормой для всех, то и прислушивались всегда к слову и мнению старшего по возрасту или положению в общине: разумное родится только от разумного.

В семьях иногда жили вместе по три поколения. «Старик в нормальной семье не чувствовал себя обузой, не страдал от скуки. Всегда у него имелось дело. Он нужен был каждому по отдельности и всем вместе». Исстари сложилось: старый ворон мимо не каркнет, а прожитое, что пролитое, – не воротишь.

В старообрядческих семьях воспитывалось особенно почтительное, можно сказать святое, отношение к труду. В большой крестьянской семье трудились (робили) все, от мала до велика, и не потому, что кто-то заставлял, а потому, что от рождения каждый день видели пример в жизни. Трудолюбие не навязывалось – его как бы впитывали. На работу благословение просили! Младшие члены семьи обращались к старшим: благослови, тятя, на работу.

«Нравственная суровая простота деревенского быта, – писали современники, – была чиста и выражалась заповедью неустанного физического труда, молитвой Богу и воздержанностью от всяких излишеств». Подражание старшим считалось хорошим тоном, и девочки возле матери, старших сестер или невесток, а мальчики с отцом и братьями в неустанных заботах о семье приобретали знания и умения, так необходимые в будущей самостоятельной жизни. Дети принимали участие во всех работах: мальчики с пяти-шести лет выезжали на пашню, борошили, возили снопы, а уже в восемь лет им доверяли пасти скот и выезжать в ночное. Девочек с этого же возраста обучали ткачеству, шитью, рукоделию и, конечно же, умению вести дом: все должно быть трудовое, а не трудовое – грех.

Ребенок усваивал трудовые навыки и на посиделках. Слово «посиделки» означало не просто сидеть, просиживать место. На посиделках обсуждали, как прошел день или год, решали проблемы, заключали выгодную сделку, сватали невесту, пели, плясали и многое, многое другое. А чтобы руки не были в праздности, обязательно делали какую-нибудь работу. Женщины вышивали, шили, а мужчины мастерили нехитрую домашнюю утварь,

упряжь и т. д. И все это в глазах детей приобретало элемент нерасторжимости, необходимости – так делали и жили все. А как же иначе?

В старообрядческих семьях лень была не в почете. О ленивом человеке говорили: «На работушку у него волосок не стряхнись, а с работушки головушка не оторвись; сойдутся сонливый да ленивый, так быть ли им богатыми? Не та ленива ленивица, что баню не топит, а та ленива ленивица, которая в готовую не ходит».

Подлинное основание жизни человека – труд. Безосновательна жизнь человека, который развлекается. Низменна жизнь человека, который ворует. Запечатление трудового действия происходит с младенчества и активно усваивается в 10–14 лет.

Характерной чертой семейных традиций староверов было серьезное отношение к браку. В основе норм поведения молодежи – крестьянский взгляд на семью как на важнейшее условие жизни. Встречи молодых людей находились под постоянным контролем старших, зависели от общественного мнения села и традиций различных семей. Причем очень строго следили за тем, чтобы не было браков «по родне», то есть между родственниками. Еще в девичестве девушкам внушали, что чужая шуба не одёжа, чужой муж не надёжа. А парню наказывали так: «Женись, чтоб не каяться, любить да не маяться; женился на скорую руку да на скорую муку».

Четкие нормы поведения создавали основу самодисциплины и исключали вседозволенность. Общим было требование соблюдения чести, порядочности, скромности. Это находило отражение в сложившихся представлениях о хорошей невесте и о хорошем женихе.

Сватовству и созданию брачных союзов посвящено множество шедевров русского устного народного творчества: поверья, бывальщина и, конечно же, пословицы и поговорки. Общественное мнение осуждало неуживчивость и сварливость характера, эти качества считались «наказанием Божиим». Про злую жену говорили: «Лучше хлеб есть с водой, чем жить со злой женой; назло мужу сяду в лужу; железо-то уваришь, а злую жену не уговоришь». А жениху внушали: «Жена мужу не прислуга, а подруга; за хорошей головой жена молодеет, а за плохой как земля чернеет».

Семьи старались жить так, чтобы не причинять горя и неприятностей один другому. Не принято было заводить ссоры, обманывать кого-то, подшучивать или насмехаться над кем-либо.

Конечно, крестьянская среда была и не без уродов. Но принятая система устройства семьи уверенно сохраняла устойчивость, так как на нарушителей находили управу. Если в какой-то семье не было мира, если муж бил жену, то заступаться никто не бегал. Уж тут так: твоя семья, твои порядки. Но вот подрастут сыновья и дочери – и тогда сам не сможешь к своим дочерям сватов дожидаться, и твое сватовство никто не примет. Парень к вдовице какой уйдет, да и то в другую деревню. Или в дом возьмут девку из погорелой семьи, которой деться некуда. А своим девкам или вековать, или за вдовцов соглашаться идти. И дурная слава семьи годами тянется за каждым, совсем невиноватым. Семья, где не смогли наладить мир, постепенно рассыпалась, исчезала. Раздор в семье осуждали, боялись пуще огня.

Одной из особенностей характера большинства старообрядцев является трепетное отношение к данному слову и к правде. Молодым наказывали: «Не разжигай, туши, пока не разгорелось; будешь лукавить, так чёрт задавит; иди в овин да шути там один; обещах не дах – родная сестра; клевета, что уголь: не обожжет, так замараёт; ты на правде стоишь, трудно тебе, да стой, не вертись».

Спеть похабную частушку, произнести скверное слово – это значило опозорить себя и свою семью, так как община осуждала за это не только того человека, но и всех его родных. Про него брезгливо говорили: «С этими же устами да за стол сядет».

В старообрядческой среде считалось крайне неприличным, неловким не поздороваться даже с малознакомым человеком. Поздоровавшись, надо было приостановиться, даже если

очень занят, и непременно побеседовать. И рассказывают: «Был грех и у меня. Молода была, но замужем уже. Шла мимо тяти и просто сказала, мол, здорово живешь, и не поговорила с ним. Так он меня пристыдил, что спросить бы хоть надо было: как, мол, ты, тятя, живешь?»

Пьянство очень осуждали, говорили: «Мне еще деданька наказывал, что хмеля-то нисколько не надо. Хмель-то, мол, держится тридцать годков. А ну как умрешь пьяный? Уж не видать потом светлого места».

Курение также осуждалось и почиталось за грех. Человека курящего не допускали к святой иконе и старались как можно меньше с ним общаться. Про таких людей говорили: «Кто курит табак, тот хуже собак».

И еще несколько правил существовало в семьях староверов. Обязательно должны быть переданы по наследству, в основном своим детям, молитвы, заговоры и другие знания. Нельзя передавать знания людям, старшим по возрасту. Молитвы нужно обязательно заучивать наизусть. Нельзя рассказывать молитвы посторонним, так как они от этого теряют силу.

Для меня очень важно то, что, по убеждению староверов, молитвы, заговоры, все накопленные знания обязательно должны быть переданы по наследству детям. С этим чувством я и писала книгу.

Пермская изба – вятская – новгородская

В 2005 году Новгородский информационно-аналитический центр сообщил: «... Уникальная находка под Великим Новгородом: деревянная изба, построенная в позапрошлом веке. Краеоведам пришлось выкупить ее у наследников хозяина. На демонтаж старинного дома в деревне Вотроса работники Новгородского музея деревянного зодчества отводили неделю. Провозиться пришлось в два раза дольше – уж больно ладно построена северная изба. Уникальный состав Новгородской земли сохранил миру знаменитые берестяные грамоты. А традиционное для этих мест бездорожье сберегает архитектурные древности. Только в такой деревне, куда цивилизация явно припозднилась, могла в нетронутом виде остаться традиционная изба-двойня: два сруба – летний и зимний – под одной крышей... Скрупулезно обмеренные и помеченные бревна сруба погрузят на лесовозы. После реставрации дом из деревни Вотроса станет украшением Новгородского музея. Ему уже приготовлено место на этой древнерусской улице...

А. Н. Радищев отметил, проезжая в 1790 году мимо оханских деревень Пермской губернии: «Строение такое: две избы, между ними – сени. Избы по крестьянскому состоянию очень хорошие». Изба на две половины вплоть до коллективизации была наиболее типовым видом крестьянского жилища в Пермском крае. Это уникальное жилище, давшее жизнь неисчислимой народной массе, появилось на Новгородской земле. С запада на восток был направлен вектор движения, переносившего крестьянскую культуру, сердцевиной которой был дом. Ареал распространения избы поражает воображение. От новгородского Ильмень-озера до Камы прошагала эта изба за многовековую историю крестьянских миграций.

Новгородская изба в Оханском уезде

Такое жилище трудно даже назвать избой – это усадьба. Она включала в себя собственно избу, двор и ряд хозяйственных построек. Изба состояла из зимней и летней половин, разделяемых сенями. В рубленых (теплых) сенях были кладовые, а также ход на чердак, там хранились необходимые в хозяйстве вещи.

На улицу всегда выходила зимняя (отапливаемая) половина избы. Летняя половина просторнее, чем зимняя. Мастерство плотников было очень высоким: внутри избы в границу между стесанными бревнами невозможно было и лезвие ножа просунуть. Пол, потолок и стены женщины регулярно мыли и драили голиками и дресвой, мелко истолченным камнем.

Такая изба мгновенно создавала ощущение надежности, незыблемости устройства жизни. И все мастер изладил, нигде-то он промашки не дал. Все подогнано, сделано раз и навсегда.

Постройки параллельного избе ряда имели хозяйственное значение. В зависимости от состоятельности хозяев это были сараи для скота, дров, сена, мастерские и кладовые. На улицу выходили также ворота и калитка. С тыльной стороны усадьбы имелись площадки, где обрабатывали зерно (сушили, молотили, провеивали), здесь был еще въезд. Двор усадьбы в зависимости от сезона то вытаптывался до земли, то вновь зарастал травой.

... На таком дворе в усадьбе моего деда Григория Филипповича Турова я когда-то сделала свои первые шаги по ласковой травке-муравке...

Всему голова

Основой крестьянского хозяйствования было выращивание ржи, основой питания – ржаной хлеб. Вроде всегда она была, рожь-то? В том-то и дело, что не всегда. Рожь, плебейка по происхождению, длительное время считалась сорной примесью пшеницы. Она выживала в самые неблагоприятные годы, когда основной посев погибал. И черный ржаной хлеб считался хлебом неурожая. В древнерусских государствах рожь сеяли только на холодных новгородских землях, где пшеница зачастую просто не вызревала.

Новгород, всегда обращавший невзгоды природы себе на благо, отличился и тут. Именно на возделывании ржи вырос великий северный новгородский крестьянин, раньше других освоивший так называемую паровую систему земледелия и озимые культуры.

Рожь, высеваемая в середине августа, подымается при осенних дождях и кидает свои корни на глубину до 1 метра. Ей уже никакие сорняки нипочем. Рожь справляется даже с таким злодеем полей и огородов, как пырей. Единственный сорняк, который кое-как гнездится на обочине ржаного поля, это василек. Наверное, если бы хотели наши предки извести на поле васильки, то что-нибудь придумали бы и обязательно извели. Но уж так хороши ржаные поля в уборе синего цвета, что издавна прощали васильку его «сорнячество» и злодеем не считали. А может, в васильке была некая польза, неизвестная нами теперь?

Рожь является идеальной культурой для посева на вновь возделываемых землях. Современные агрономы говорят, что рожь улучшает, окультуривает поля. После ржи хорошо растут овощи. Уже давным-давно наши предки этим пользовались, сея после убранной ржи репу, основную овощную культуру тех времен. Репой питались сами, ею кормили скот. В союзе с рожью репа не занимает дополнительной площади, вырастает как бы между делом.

Рожь способна расти даже на самых бедных и, что очень важно, закисленных почвах, и очень резко увеличивается ее урожай при внесении в почву навоза. Значит, хочешь иметь хороший урожай – держи скот.

Рожь дает богатый урожай, если посеяна именно тогда, когда нужно. Не раньше и не позже. Умирать готовься, а рожь сей – так мужики говорили.

Ум и сноровка нужны, чтобы собрать все зерно, до единого зернышка. Поскольку спелая рожь быстро осыпается, жнут ее в состоянии восковой, то есть неполной, спелости. Если сжать раньше, чем нужно, урожай будет ниже, зерно получится тощее, всхожесть его хуже. Если запоздать – зерно осыплется.

Крепостного крестьянина отвлекали на господскую работу, и свое поле он обрабатывал урывками, поэтому никогда не мог получить хороший урожай ржи. Убогим и тощим становилось его поле. Что уж говорить про советского колхозника, вынужденного сев и уборку начинать по команде из райкома партии! Рожь – она для свободного крестьянина. Получать высокий урожай ржи мог только работающий, мастеровитый, экономически свободный мужик. Многие секреты возделывания ржи так и остались утраченными. Например, в современных условиях никто не пытается так собрать рожь, чтобы можно было сеять нынешними семенами, – не умеют! Не дает всхожести ржица крестьянская, да и все тут. Приходится засеивать прошлогодними семенами, деньги тратить на хранение семян. Вот уж поистине: что имеем, не храним – потерявши, плачем.

Вкус ржаного хлеба многим кажется грубоватым, он труднее переваривается. Но! В зернах ржи содержится 11–12 процентов белка, 67–69 процентов углеводов, до 2 процентов жира, около 3 процентов клетчатки, а также ферменты, витамины В₁, В₂, Е, РР, каротиноиды. В ржаной муке имеются линолевая и другие жирные кислоты, необходимые для сердечной деятельности человека. Не многие продукты развивают у человека столь стойкое привыкание, как ржаной хлеб.

Получить качественный и вкусный ржаной хлеб очень непросто. Выпечь ржаной хлеб гораздо тяжелее, чем пшеничный. Клейковина зерна ржи менее прочная, по сравнению с пшеничной. С квашней хозяйка обращалась, как с живым существом, спокойно и ласково. Пока хлеб выпекался, нельзя было ни кричать, ни стучать, ни грубо разговаривать.

Крестьянский хлеб пекли из муки с крестьянской мельницы-зернотерки, при помеле сохранявшей в муке исходные биологические структуры зерна. Поэтому рискну предположить, что в ржаной квашне, видимо, частично происходили те же биохимические процессы, что и в прорастающем зерне ржи. К тому же использовались при выпечке хлеба не дрожжи, а специальные закваски, культура которых во многом утрачена.

Правда, сейчас сухие закваски для хлебопечения уже появляются в продаже, но пока не в Перми. Их, судя по сообщениям в Интернете, покупают русские эмигранты в США, Австралии и Новой Зеландии.

Ржаной хлеб ныне производят, даже разрабатывают новые его сорта и рецептуры. Так, хлебопеки Самары сообщают о 200 видах ржаных изделий. В Перми их делают всего четыре-пять, да и тесто выстаивают на дрожжах, а не на закваске, но все же хоть что-то есть.

Кержацкие квас и брага, уникальные крестьянские продукты из ржаной рощи, ныне полностью исчезли из жизни. Всю технологию их получения я помню прекрасно: моя мама умела делать эти напитки. Для изготовления основного крестьянского напитка – кваса – использовалась роща, которая употреблялась и в пищу, особенно детьми. Роща – это слой пророщенной в темноте ржи, образованный переплетенными ее корнями и ростками.

С проращиванием зерна тоже, конечно, не все просто. Казалось бы, рожь – культура озимая: урожай собрали, и можно проращивать. Вот пшеницу сразу после уборки прорастить невозможно, для этого требуется яровизация, то есть обработка холодом. Она ж весной всходить должна, пшеница-то, а не осенью! Рожь в этом смысле просто вне конкуренции. Но чтобы всхожесть была не через зерно, а полная, требовалось парить рожь, то есть выдерживать на солнце несколько дней, а если погода не позволяла, прогреть его на печи. И только потом зерно размачивали и проращивали.

Для этого служили специальные большие плоские ящики – растильницы. Размоченное зерно насыпали слоем 4–5 сантиметров, накрывали чистым полотном, затем половиком и ставили в затемненное место. У нас дома – в чулан или под кровать. Через несколько дней получался слой дернины из корней и проростков, который растеребляли и сушили на горячей печи. Часть рощи запаривали (солодили) в корчаге в печи и тоже сушили. После размола высушенной рощи получалось так называемое брашно, из которого делали квас.

Добавив мед и хмель, из того же сырья (чем больше солода, тем лучше) изготавливали и брагу. При длительной выдержке в крепко закрытой корчаге, бочонке или фляге можно было получить напиток крепостью в 5–7, а то и 9–10 градусов.

Важно то, что прорастающее зерно, его ростки и корни обогащены биологически активными веществами. Современной наукой они настоятельно рекомендуются для детского питания, а также для восстановительных диет. А биологически активное вещество – это что-то вроде команды для организма: расти, развивайся! Человек ведь существо информационное, и тут подсчетом белков-жиров-углеводов не обойдешься. При изготовлении кваса не происходит сильного нагрева, вся биологическая ценность рощи сохраняется полностью. Кроме того, при брожении дополнительно образуется витамин Е, влияющий на сексуальную функцию организма.

Патент на квас из ржаной рощи исторически принадлежит нашим предкам.

Это были вкусные, сытные и очень полезные напитки каждого дня, жидкий хлеб. Стоит задуматься: напиток из пророщенного зерна – каждый день веками!

Очень вкусны и квасок, и бражка, но сейчас их даже в деревне не найти, извели полностью. Почему? Очевидно, все дело в том, что пророщенная в темноте рожь (роща) до сих пор непревзойденное сырье для самогона.

Госмонополия на водку в России то крепла, то ослабевала. Оставим в стороне мрачные, как раньше говорили, годы царизма. Тогда победа осталась за кержаками. Советская власть, уничтожив традиционную крестьянскую культуру, извела и брагу. Бабушек, которые умели ее ставить, честили самогонщицами и фляги ядреной медовухи выливали прямо в пыль деревенских улиц.

Да и мельниц по деревням не стало, так как мельников раскулачили, а пруды спустили. Размолоть рощу стало негде. Брагу уничтожили, в деревню пришла казенная водка, деревня начала наконец, как вся Россия, платить водочный налог.

А квас ныне делают из сухариков. Это название одно, а не квас. В целом отношение к этому напитку невежественное и высокомерное. (Даже патриотизм провинциальный в насмешку называют «квасным».) А мне кажется, что утрата ржаного кваса и браги в рационе питания современного человека невосполнима и совершенно недопустима.

Пернатая корова, или Курица не птица

За годы советской власти резко изменился мясной стол пермяков. В основном мы едим сейчас свинину, говядину и курятину, тогда как издавна основными поставщиками мяса для крестьянства были овца и гусь.

«Ну, ты и гусь лапчатый!» Так говорят о человеке нехорошем, подлом. Сравнений с разными животными в русском языке много. Кто-то грязен, как свинья. Кто-то пашет, как конь. Кто-то поет, как соловей, а иной глуп, ну просто как баран. Только вот за что гуся таким сравнением обидели? Ума не приложу. Полезнее этой двуногой скотинки просто трудно что-то сыскать.

Гусь отличается от всех тех, кто населяет сельское уральское подворье. Он единственный – абориген. Тысячи лет гуси прилетали гнездиться в верховья Камы, в нынешней Удмуртии. Там много мелких речушек, заросших стариц, там гусю полное раздолье и есть обильный корм. Во всех местах, где гусь гнезился, его одомашнивали, оценив выгоду иметь такое домашнее животное. Гусь, в отличие от курицы, птица местная, не боящаяся ни дождя, ни ветра. Кроме того, гусь – птица не зерноядная, как курица, а травоядная. Он настоящая пернатая корова. С ранней весны до снега гусь не нуждается ни в корме, ни в укрытии.

Гусями раньше торговали на всех ярмарках, в город на продажу водили. Да, пешком водили. Гусям корма брать в дорогу не надо: есть подножная еда. А чтобы лапки не истерли по дороге, «обували» гусей: прогоняли стадо вначале по слою дегтя, а потом по крупному речному песку.

Большинство читателей обыкновенного серого гуся видели, наверное, только в оципанном виде. Да и то редко, да и то какого-нибудь аргентинского. Гусеводства в Пермском крае сейчас нет. У нас вообще, какой сельской отрасли ни коснись, вместо статьи получается мартиролог. Видовое разнообразие животного населения деревни резко обеднело. В деревне держат коров и коз, есть крупные комплексы по выращиванию кур и свиней. Комплексы балансируют на грани убыточности, регулярно просят дотаций. Это несколько не удивительно, так как кура и свинья – существа зерноядные и теплолюбивые. Вдобавок куриный помет еще можно, сильно разбавив, вносить в землю, а свиной навоз – сущий яд. И вся эта ситуация – настолько привычное зло, что кажется естественной и вечной.

Погубило гусей то, что паслись они на прудах возле мельниц. Взявшись за установление монополии хлебной торговли, советская власть последовательно расправилась с мельниками, мельницами и прудами. Почему? Потому, что крестьянин зерно спрятать практически не мог, а «мучку-то не отоймешь!», говорили раньше. Мешки же с мукой легко спрятать в пруду или на болоте, потому что в воде ткань и тонкий слой муки склеиваются, только намокнув, и мука, совершенно не портясь, может лежать сколь угодно долго.

Не стало прудов – не стало и гусей. В Пермском крае птицей называют только курицу. Даже Пермская птицефабрика – это все-таки фабрика куриная! А народ соврать не даст: курица не птица! Говорят, у нас страусов собираются выращивать. Гусеводство же, как отрасль, отсутствует.

Хорошее крестьянское хозяйство содержало несколько коров, а также множество овец, до 50–70 голов. Баранина была основным мясным продуктом питания. Шубы и тулупы, валенки, носки-варежки изготавливались во множестве, поскольку без этого в суровом (а раньше еще более суровом) климате было просто не прожить. Похоже, что наша овца – самая северная овца в мире. В Пермской губернии крестьяне разводили овец местной, вятской породы и держали в стойле вместе с коровами. Усмотрев, что коровий навоз и моча, накрытые соломой, начинают «гореть», еще новгородский крестьянин создал в коровнике «обогреваемый пол». В хорошем рубленом стойле корова сама себя прекрасно отапливает, даже

и в мороз. Овечий же навоз сухой, овца, хоть на ней и есть шуба, сама себя не обогреет, а вот добавить в коровий обогрев свою долю может.

В наших краях овец не обобществляли довольно долго. Произошло это уже где-то в 1952–1955 годах. Тогда собрали овечушек – а их сотни тысяч голов – в отдельные кошарни, там они и передохли в ближайшую же зиму. Ныне овцеводство в Пермском крае отсутствует как отрасль. Носки-варежки нам везут откуда-то из Дагестана, дубленки – из Турции. Обыкновенная овчинная шубейка для многих и многих – недоступный предмет роскоши. Как и гусь, запеченный в печке целиком...

Семенное растениеводство и стойловое животноводство на Урале, самые северные в мире, стали возможны благодаря использованию навоза. Коровий навоз играл в северном крестьянском хозяйстве особую многогранную роль. Факторы таковы: бедная земля и длительное стойловое содержание скота, при котором накапливался навоз. Между прочим, в древнерусском языке слово «добро» означало «навоз», а уже потом получило все прочие смыслы.

Великий новгородский крестьянин пришел через Вятку в пермские края, создал паровую систему земледелия, превратил золушку-рожь в королеву русских полей и стал вывозить навоз на поля.

Еще один эффект, побочный, вроде бы. В конце 1940-х – начале 1950-х годов в Пермской области в лагеря и под расстрел ушли... пастухи, будто бы повинные в массовом падеже колхозных коров. Ситуация везде совершенно однотипная: стадо забредает на озими, коровы там объедаются и гибнут. Для коровы большое количество сочной зелени озимых смертельно опасно: в сложном коровьем кишечнике она начинает бурно бродить, газы распирают кишечник, и животное погибает. В деревнях крестились: свят-свят, да корова ране-то николи озимь не ела! И в самом деле, коровы не ели крестьянскую озимь, а колхозную – ели. Но пастухи были тут совершенно ни при чем. Дело в том, что корова почему-то не ест траву, выросшую на коровьем навозе. Даже если пастбище выщипано до травинки, сочная зеленая оторочка вокруг лепёх коровьего навоза остается нетронутой. На следующий год на месте лепёх растут пышные травяные подушечки, и они, скорее всего, останутся не съеденными. Под рожь летом крестьяне всегда вносили навоз, поэтому коровы даже не заходили на озимь. А в колхозах вывозить навоз на поля перестали, он громадными кучами высился возле ферм и наполнял канавы вонючей жижей. Коровы озимь стали поедать, чему были печальные последствия, выше изложенные. Так что навоз, удобряя крестьянское поле, еще и защищал всходы от потравы, а скот от гибели.

Вот такой он, коровий навоз, и в самом деле сплошное добро.

«Толстые» щи из каменной печи

Особенности крестьянского стола во многом определяла она, печь каменная. Да, хорошая печь в кержацкой избе была только каменной. Ее складывали из больших булыжников, скрепленных глиной на яйцах. Такая печь замечательно держала тепло и хорошо пекла. В этом смысле мы теперь сделали шаг назад и готовим, в сущности, на костре. Поэтому очень сложно воспроизвести, например, кашу из репы или знаменитые «толстые» щи (с крупой и квашеной капустой). В городских условиях для приготовления этих блюд требуются большие затраты времени (4, а то и все 6 часов!).

А крестьянская печь – автомат. Утром ранехонько хозяйка раскладывает все продукты по чугункам и ставит их в вытопленную печь. Закрывает печь заслонкой – и все. Еда готова к обеду – и щи, и каша, и творог. И все до вечера так в печи и стоит: горячее, готовое к употреблению. Опыт, навык, точная рецептура. Тут не до фантазий. Есть в этом и отрицательный момент – однообразие вкуса. Придается одно и то же!

Может, поэтому и были столь необходимы регулярные посты с полной сменой стола. В христианстве существует четыре больших многодневных поста. О том, как питались в пост на Руси, написано много, нет смысла пересказывать, я отмечу только наши местные «особинки».

Великий пост – весной, когда продовольственные запасы на исходе. Все знают, что весной как-то и аппетита нет. Весной очень хочется свежей зелени, и крестьяне активно ее использовали. В деревнях ели пистики (побеги полевого хвоща), горькую редьку (сурепку), квасили сныть. Это только кажется, что на Урале растительный мир бедноват, но, уверяю, тут есть чем полакомиться.

Знаете ли вы, что весной на елках бывают ягоды, размером, формой и цветом похожие на землянику, сладковатого вкуса, с тонким хвойным ароматом. Когда-то я про еловые ягоды рассказывала своим однокурсницам, городским девочкам, и они очень смеялись. Не верили. Как не верили и в то, что у колхозников нет ни паспортов, ни пенсий: «Да ну, ты что-то путаешь, это рабство какое-то, у нас же социализм!» Город и деревня были (да и ныне так!) как разные страны...

Очень интересные и нужные книжки написал пермский ученый доктор медицинских наук, профессор А. К. Кощеев. Его «Путешествие в мир полезных растений» (Пермь, Кн. изд-во, 1983) уже, конечно, библиографическая редкость. К сожалению, ни одно из местных растений не введено в культуру, не облагорожено. Проблема еще и в том, что многие съедобные растения имеют местное название. Так, в деревнях под Лысьвой любят квасить «пиканы» (никто и не слышал о научном названии этого растения. Более того, в разных районах оно называется по-разному).

Летом, в Петров пост, начинается сенокос. Тут основное дело – запастись квасом, тем самым ржаным квасом. На квасе делали редьку, зеленую окрошку, квас пили с ягодами и просто так.

В Успенский пост урожай собирать пора, поспело много разных овощей.

Зимой, в Рождественский пост, на постном столе крестьянина стояла квашеная капуста, продукт широко известный и заслуженно любимый. Русские эмигранты растащили его по всему миру, квашеную капусту уже можно купить расфасованной в супермаркетах Америки. Но те же эмигранты такой «магазинный» продукт ругают и квасить капусту стараются сами.

Очень вкусны квашеные грибы. Да-да, не соленые, а именно квашеные. Мало кто сейчас умеет делать это старинное блюдо. Я не буду давать рецепта: все, что касается грибов,

лучше перенимать у знающего человека из рук в руки. Нина Федотовна Хренова научилась у своей прабабушки и мне рецепт передала.

В пост пекли рыбный пирог. Вроде бы дело известное, но приведу один любопытный вариант такого снадобья – пирог из цельной, непотрошенной (!) рыбы. Очень свежего среднего леща, граммов на 400–500, аккуратно чистят, натирают солью. Не потрошат! На противень для нижней корки пирога раскладывают тесто (обычное, на дрожжах), затем – рыбу, порезанный кольцами репчатый лук, можно добавить укроп, горошинки черного перца, листик лаврушки. Сверху кладут для верхней корки еще один слой теста, защипывают его, приподнимая нижний пласт, причем кромочка идет по верхнему краю. Выпекают в духовке, как обычно. Готовый пирог не разрезают на куски. Это блюдо семейное, есть его нужно всей семьей. Делают круговой надрез, верхнюю крышку снимают, разламывают на куски, а рыбу едят вилками прямо из пирога. Верхнюю часть съели – хозяйка ухватывает рыбу за голову, слегка ее закручивая, убирает скелет. Легко! Внутренности у рыбы заключены в прочный мешочек, они удаляются вместе с ребрами. Вот такой ритуал. Проверено. Очень вкусный сочный пирог!

Такой пирог пекли на Урале все: и русские, и удмурты, и коми. Вот только рыбу зачастую потрошили. Причем я выявила такую любопытную закономерность. В деревнях северной части Пермского края рыбу не потрошили, а в оханских краях и возле Кунгура потрошили. Архангелогородец Геннадий Хабаров сообщил мне, что в его родном краю такой пирог тоже знали и тоже рыбу не потрошили! Видимо, на Урал этот рецепт принесли пришельцы с Севера, но способ его приготовления постепенно изменялся.

Исторически судьба кержаков складывалась так, что многим из них пришлось покинуть Пермскую землю, жить в Сибири, а то и далее. Сибирские ученые-этнографы выявили, что в XIX веке кержаками называли себя все-таки выходцы из Пермской и Вятской губерний. Отмечали они и высокую «адаптационную одаренность» кержаков, их способность обжиться и преуспевать в новых, даже самых суровых условиях.

Как рассказывает пермячка Любовь Прокопьевна Мацова (ее предки были алтайскими кержаками), в деревнях на Алтае успешно выращивали все овощи, даже арбузы! Из блюд можно отметить «толсты щи» – кашу из ячменной крупы на воде, заправленную луком. На зиму там квасили дикий лук (черемшу) и ели ее с квасом, макая хлеб в получившуюся похлебку. Любили конопляное семя, которое поджаривали, толкли в ступке, после чего разводили водой и, прибавив туда меда, ели с хлебом, называя это семечками.

Кстати, коноплю издавна знали и у нас на Урале, причем с самой лучшей стороны. Растение это совершенно неприхотливое и очень полезное. Из волокна делали мешковину, из семян добывали масло. (Сейчас коноплю повсеместно уничтожают, поскольку ею пользуются наркоманы. Интересно, если они наловчатся себе дурь из пихты делать, что – пихту сводить придется?!)

Дикие ягоды, например бруснику, мочили в кадушках, а потом ели с медом. С медом же делали варенье и в большом количестве заготавливали сушеные ягоды. Пчеловодство вообще играло большую роль в кержацком хозяйстве. В постные дни мед подавали в конце обеда. Мед в сотах или очищенный (маканый) подавали в тарелках, макали в него куски хлеба и ели, запивая водой или квасом. Мед всюду употребляли вместо сахара и говорили: «Медок-голубчик все скрасит, что ни положи». Хранили мед в выдолбленных из ствола осины туесах – высоких узких сосудах с ушками.

Семья Блиновых, деда и бабушки Л. П. Мацовой, занималась разведением маралов. Панты они продавали и по Сибири, и в Китай. Торговали и снадобьем, изготовленным особым способом. Для этого в определенное время года забивали марала и варили его целиком в громадном котле. Съезжались больные люди, принимали ванны в этом отваре, развозили его в бидонах тем, у кого суставы болят. Жили справно, 12 дойных коров было в хозяйстве.

Конечно, кулаки, по понятиям тех времен. Семейю Блиновых раскулачили, жить пришлось в собственной бане. Но даже в самых тяжелых условиях старались лучше питаться. Бабушка замечательно готовила. Хоть и жили в сараюшке, где печку сами сложили, а на Петров пост, бывало, на столе стояло восемь разных пирогов, четыре каши, два-три постных супа.

Пермячка Татьяна Титовна Городилова ныне работает врачом. Она появилась на свет, когда родители ее были в ссылке, в тюменской тайге. В их семье мужики все невысокие, но очень жилистые. Дядя Иван Федорович в Первую мировую войну в плен попал, но выпро-сился из лагеря в работники к местному крестьянину. Так тот... пахал на нем! Иван бежал и пешком из Австрии пришел домой! Вместе с братьями Иван построил мельницу, которую отобрали при коллективизации. Всех мужиков вывезли в тюменскую тайгу с женами и мало-летними детьми. Работать им пришлось на местном рыбзаводе, где разделявали красную рыбу. При этом семьи рабочих сидели в бараках голодом.

Скажу для тех, кто еще помнит, как в витринах пермских магазинов 1950-х годов сто-яли и крабы, и красная икра в баночках. Так вот оттуда и была эта самая красная рыба, ее закатывали в баночки те, кто сам от голода шатался, у кого дома были голодные дети...

А семья Татьяны Титовны выжила, все ее шесть сестер и брат. На кедровых орехах. Вся малышня ходила обколачивать шишки, потом их лущили, калили орехи и ели. Но даже этот скудный ужин при керосиновой лампе, когда на столе лежала только горка орехов, проходил, как вспоминает Татьяна Титовна, тепло и задушевно.

Это, наверно, самое главное: богат ваш стол или волею судьбы беден, пусть он объ-единяет семью.

Исторические патенты

«История любого продукта – будь то сельскохозяйственный или промышленный – является частью истории деятельности человека, истории условий материальной жизни общества. Изучая возникновение или происхождение того или иного продукта, мы отвечаем на вопрос о том, как создавались условия материальной жизни, на какой их ступени появился тот или иной продукт и почему. Это дает возможность углубить наше понимание истории человека и человеческого общества.

История продукта, таким образом, одно из слагаемых истории в целом, первичный элемент, «кирпичики», из которых построено «здание» истории человеческого общества. Знать все «кирпичики» досконально крайне важно и необходимо для правильного понимания истории, но, к сожалению, невозможно или трудно выполнимо. История отдельных продуктов еще слабо разработана, мы знаем о ней в общих чертах или лишь ее частности», – так писал знаток материальной культуры народов мира, замечательный историк Вильям Васильевич Похлебкин.

Материальная культура пермского крестьянства изучена явно недостаточно, многое, очень многое остается в области гипотез.

Например, точно неизвестно, когда были изобретены валенки. В Центральной России они появились довольно поздно, возможно в XVII веке, и были очень дороги. В Москву их привозили из Нижегородской губернии, которую и принято считать родиной валенок.

В наших краях, населенных выходцами с вятских земель, валенки имели название «катанки», их не валяли, а катали. То есть были и собственная технология, и собственный термин. Катанки были тоньше и мягче фабричных валенок, появившихся позже, их всегда носили с калошами. На катанки расходуется меньше шерсти, а калоши, надетые сверху, делали такую обувь непромокаемой.

Валенки могли появиться только там, где у русских крестьян был тесный контакт с татарскими крестьянами. (Правда, словосочетание «татарский крестьянин» противоречиво по смыслу, так как крестьянин означает христианин. Но другого слова для жителей деревни у нас в русском языке нет.) Тесный многовековой контакт русских и татар был на Вятке. Не вятские ли крестьяне, жившие в тесном контакте с татарами, и создали валенки?

Проведем с изобретением валенок обычную патентную экспертизу.

Любое изобретение, когда бы оно ни случилось, можно разложить на отдельные составляющие. Получается так называемая формула изобретения: цель изобретения – прототип – отличительные черты нового изделия.

Всякое изобретение имеет прототип. В истории человечества, может, только изобретение колеса его не имело. Базовые древние технологии заимствовались безо всяких патентных заморочек, переиначивались и развивались. Прототипом валенок, конечно, являются войлочные сапоги.

Многие степные народы знали технологию войлокования овечьей шерсти. Из войлока изготавливали и одежду, и обувь, и мягкие шитые сапоги. Русские знали технологию формования обуви на колодке, кроме того, видимо, быстро заметили, что при сушке смоченных войлочных сапог в печи они твердеют и садятся. Это и использовали. По сравнению с войлочными сапогами, валенки имеют новое эксплуатационное свойство – износостойкость.

Получается примерно такая формула изобретения валенок: войлочные сапоги, отличающиеся тем, что для повышения износостойкости на заготовке дополнительно проводили гидротермальную обработку горячей водой или паром. (Профессиональный патентовед тут в меня кинет камень: для краткости я совместила формулу изделия и его технологию.)

Так что татары могут, если хотят, брать патент только на войлокование, но это вряд ли получится: технология-то общая для степняков. А вот изделий из войлока, прошедших гидротермальную обработку, больше не было нигде.

Наверняка на нашей земле они появились гораздо раньше, чем в Центральной России.

Немало загадок таит и история другого русского «продукта» – водки. Кержаки водку вообще не пили, относились к этому вроде бы национальному напитку резко отрицательно, брезгливо. Вера не позволяла? Но для других староверов (московских, например) абсолютного запрета не было. Позволялось, конечно, умеренно и не в пост. Причина такого резкого неприятия была какой-то иной. Надо понимать, что ни один из элементов культурного комплекса этих удивительных крестьян не существовал случайно. Всегда имелась фундаментальная причина, которую сами кержаки уже не помнили.

Наиболее серьезным исследованием по истории водки является капитальный труд В. В. Похлебкина, который так и называется «История водки». Досточтимый историк взялся за этот труд в значительной степени вынужденно. Дело в том, что в 1978 году государственная водочная монополия в Польше стала утверждать, что водка поляками была изобретена раньше, чем в Русском и Московском государстве. В силу этого право продавать на внешних рынках свой товар под именем «водка» должна была получить лишь Польша, производящая «Вудку wyborovu» («Wodka wyborowa»). Знаменитые русские напитки «Московская особая», «Столичная» и прочие теряли право именоваться водкой. Западноевропейские прецеденты на этот счет однозначны. Все европейские виды крепких спиртных напитков имеют фиксированную первоначальную дату производства: 1334 год – коньяк, 1485-й – английские джин и виски, 1490–1494-е – шотландское виски, 1520–1522 годы – немецкий брантвайн (шнапс).

А в СССР, как оказалось, ни даты начала производства водки, ни литературы по истории водки вообще не существовало. Сведений об изобретении водки невозможно обнаружить даже в государственных архивах. Нет достоверных документов о том, когда же началось винокурение в России.

В. В. Похлебкин осуществил грандиозную по своим масштабам работу, описав все хмельные напитки, какие только были в России. И достаточно убедительно показал, что в Московском княжестве водку начали производить не ранее 1450-го и не позднее 1490 года. Водка, по его мнению, была создана в Кремле обитателями Чудова монастыря, а первую монополию на ее выпуск учредил Иоанн III в 1474 году. Сейчас этот вывод повторяют везде и всюду, считается, что вопрос закрыт. Так ли это?

Как известно, для широкомасштабного производства нового товара нужно изобрести товар, создать сырьевую базу и провести маркетинг, то есть разведку рынка.

Оставим в стороне вполне детективную историю про беглого монаха-грека, якобы нашедшего секрет производства водки прямо в Чудовом монастыре. Не в монахе дело. Похлебкин отмечает, что Москва не прошла обычный для всех государств путь «экспериментального опробования» длиной в 70–140 лет. Сразу получилось производство в развитом виде, и сразу – торговля в виде монополии. Даже если кто-то что-то изобрел, то кто сказал, что это – товар и настолько выгодный товар? Временной дистанции, необходимой для такого понимания, для Москвы не обнаруживается.

Кроме того, В. В. Похлебкин совершенно справедливо говорит, что для изготовления водки нужно сырье, необходимы товарные избытки зерна, да не какого-нибудь, а ржи. Именно зерно ржи, предварительно пророщенное, имеет необходимое количество сахара, которое позволяет при перегонке получать крепкий продукт (надо учесть архаичность технологий тех времен). Так вот, и рожь, и нужная система земледелия подобно пожару распространились по Московскому княжеству в течение 6–10 лет! (До этого сеяли примитивные виды пшеницы.) На момент «изобретения водки» нужного сырья в Московском княжестве

не имелось. Изготовить нечто на отсутствующем сырье? Таких чудес не бывает. Да и крестьянин сам собой не может совершенствоваться с такой скоростью. Технология возделывания ржи могла быть только привозной, причем вместе с крестьянами, которые такой технологией владели.

Что же получается? Изобретатель вполне мифический, сырьевой базы нет, маркетинг не проводился.

А если предположить, что технологию откуда-то вывезли в готовом виде? Причем из такого места, где про потребительские свойства сего напитка прекрасно знали? В те времена вывоз в Московское княжество каких-либо специалистов вместе с их умениями вовсе не был большой редкостью. Ведь вывозили железоделов из Казани.

Основная улика вывоза – рожь. Ищем житницу, где возделывали рожь в XIV–XV веках. Общеизвестно, что рожь тогда сеяли на скудных землях Новгородчины, но там никаких товарных избытков ее быть не могло.

Однако имелся еще один «филиал» Великого Новгорода, где были северные крестьяне, сеявшие рожь. Это – Вятка, веками бурливший исторический котел.

Известно, что вятские земли в XVI веке считались житницей и имели избыток зерна. Современники давали Вятской земле того времени самые лестные отзывы, считали ее краем изобилия: «В земле той поля великие, и зело преизобильные и гобзующие на всякие плоды... хлеб же всяких такое там множество, аки бы на подобие множество звезд небесных, тако же и скотов различных стад бесчисленное множество, и корыстей драгоценных, наипаче от различных зверей в той земле бывающих... не вем, где бы под солнцем больше было». 150–200 лет потребовалось бы, чтобы создать в наших условиях житницу, изобильный, плотно заселенный край. И ресурсы вложить изрядные. Так что рожь там была, предполагаю, не позже XIII века. Более того, в Вятской летописи написано: «... В 1147 году в Хлынове (Вятка. – *Авт.*) построена была винокурня и земская изба».

И в самой Вятке издавна живет легенда, что производство водки началось на Вятской земле. Именно там веками неискоренимо велась кумышка, или вотяцкий самогон, с самыми архаичными вариантами технологии. Не кумышка ли предшествовала водке?

По времени тоже сходится. В 1458–1459 годах происходит завоевание Москвой Вятской земли (походов было несколько). В 1475–1479 годах начинается винокурение в Москве, винная монополия. Даже то, что из Вятки неких жителей, включая простолюдинов, вывезли в Московское княжество, прекрасно известно.

Однако В. В. Похлебкин отвергает сведения о вятском приоритете, как мифические. Аргумент выдвигает очень серьезный: отсутствие социальных последствий употребления водки. То есть крестьяне, поставщики сырья, не спились. Более того, выходцы с вятских земель, будущие знаменитые кержаки-староверы, известны как убежденные трезвенники. Как это – веками не пить?! Значит, ничего тут и не было. А вот как раз и не значит.

Водка в России стала напитком народного увеселения, массовым продуктом. У кумышки, предшественницы водки, роль была совсем другая, поскольку это совсем другой товар, который имеет другие потребительские качества и иного целевого потребителя.

На Урале кумышкой издавна называли самогон. Слово это удмуртское. В. И. Даль о кумышке отзывался пренебрежительно: «Кумышка – вонючая перегонная брага вотяков». Поясню: удмуртов то есть. Но пренебрежение здесь неуместное. Напротив, на вотяков можно посмотреть с большим уважением. Одними из первых в истории человечества они освоили технологию перегонки.

Кумышка с древности применялась финно-угорскими племенами в религиозных обрядах как галлюциноген, сакральный и священный напиток. Она позволяла войти в состояние эйфории, оторваться от реальности и соприкоснуться с богами. Жрец-восясь (и только он!)

употреблял напиток и в состоянии опьянения освящал приношения, забивал жертвенных животных.

Изначально кумышку делали перегонкой из сброженного молока (родственное слово – «кумыс», то есть молочная брага). Даже в XIX веке южные вотяки все еще делали кумышку из молока, крепость такого напитка не превосходила нескольких градусов. Заметьте, предшествующая технология просматривается четко, имеется собственная терминология. Все указывает на то, что кумышка – собственное изобретение вотяков. А вот эффективное сырье для нее, ржаную брагу, дали русские. Пришедшие на вятские земли новгородцы владели самыми совершенными на то время сельскими технологиями, умели строить плотины и мельницы, а их ржаной солод и поныне является непревзойденным сырьем для изготовления водки. Да и технология перегонки не была для новгородцев чуждой: в Новгороде гнали смолу и деготь для нужд судостроения.

Русский мужик на Вятке с выгодой для себя делал сырье для кумышки, а сам этот продукт рассматривал как элемент чужой, с его точки зрения более примитивной, культуры. Брезовал ею, если кратко сказать.

Что имеем на вятских землях: поставщики сырья есть, изготовители товара есть. Нет состоятельного потребителя. С вотяков тогда взять было особо нечего. Дорогого меха они не добывали, сами пробавлялись рыболовством да охотой на бобра. Нет, не ради увеселения вотяцких шаманов населился тут предприимчивый новгородец! Поищем возможности «экспортных» поставок. Не было ли поблизости родственных вотякам по культуре состоятельных угро-финнов, заинтересованных в таком товаре?

Обнаруживаем старинный торговый путь «от вятчан к пермянам». Это дорога длиной 200 верст от Вятки до Кая, стоящего на Каме, откуда рукой подать до вогулов. Рядом, можно сказать. А вот у вогулов, воинственного, богатого народа, были уже совсем другие ресурсы. Много веков вогулы, населявшие пермский север, были торговыми партнерами Новгорода.

Высоко ценился соболь, которым Новгород хорошо торговал с Европой. Но дальше – больше! Новгородцы везли серебро от вогулов. В 1332 году Иван Калита «возверже гнев на Новгород прося у них серебра закамское». Каковы же масштабы вывоза?

В 1431 году литовский князь Витовт налагает на Новгород контрибуцию стоимостью в 55 пудов литого серебра (новгородский пуд – берковец – равен 163 килограммам). Иначе говоря, речь шла о 8 965 килограммах литого высокопробного серебра. Новгород уплатил эту сумму в течение пяти месяцев и даже начал собственное денежное производство, оно продолжалось непрерывно до присоединения княжества к Москве в 1478 году. И даже после этого. Серебряная монета «новгородка» была вдвое тяжелее московской монеты «московки». Вывоз серебра обеспечивал валютную независимость Новгорода, и дело это было обставлено очень серьезно.

Серебряные изделия были для вогулов священными, ими распоряжались шаманы. Грабежом такой товар не возьмешь. А вот в обмен на другой «священный» товар, на кумышку, – пожалуй... Угро-финны, кстати, известны тем, что у них быстро возникает сильная зависимость от алкоголя. Но опять же обошлись без заметных социальных последствий. «За 300 лет торговли новгородцев с пермянами их внутренняя жизнь не нарушилась» – это исторический факт. Видимо, «священный» напиток использовал только шаман, всегда бездетный, и сугубо ситуативно.

Вогульское серебро могло быть одним из источников благосостояния Вятской земли. Московский князь с огромной, по тем временам, армией ходил на Вятку, «дабы подорвать могущество Новгорода». Там оно начиналось, могущество. Чуть позже сравнительно небольшой отряд взял пермские городки Искор и Покчу, окончательно разорвав торговый путь.

Посмотрим на даты.

1458–1459 годы – завоевание Москвой Вятской земли, конец Вятской республики.

1462 год – «серебряный бунт» в Новгороде, когда народ отказывается принимать новую серебряную монету (тонкие «чешуйки»), которую новгородское правительство стало выпускать, пытаясь выйти из состояния «серебряного голода».

1472 год – присоединение к Москве Великой Перми.

1478 год – ликвидация независимости Новгорода, присоединение его к Москве.

1475–1479 годы – начало винокурения в Москве, винная монополия.

Конечно, «после» не означает «вследствие», но противоречий в датах не наблюдается. Думается, что шла упорная борьба за ресурсы Великого Новгорода, как пермские, так и вятские. Технология, которую создали вятские крестьяне вместе с вотяками, вполне могла быть вывезена и мгновенно развернута в Московском княжестве.

Началась история водки, совершенно неизвестной еще в Центральной России и прекрасно известной в вятской глубинке. Сырье для нее вятские да пермские мужики как делали, так и делали, а пить – как не пили, так и не начали.

Вновь цитирую В. В. Похлебкина из его книги «История водки»: «Среди множества продуктов, созданных и потребляемых человечеством, водка, или, говоря более общим термином, «хлебное вино», занимает совершенно особое и значительное положение по своему разнообразному влиянию на человеческое общество, на отношения людей и на возникающие общественные проблемы. История водки отнюдь не «мелкий» и не «низкий» вопрос, отнюдь не «пылинка», не «ничтожная деталь» в истории человечества».

В том, что я рассказала, много предположений и догадок. Исследователям материальной культуры крестьянства почти не на что опереться. К сожалению, не написаны капитальные труды на интересные темы об истории ржи и о новгородской избе. Может быть, в том и состоит причина, что не получил пока должного уважения у своих потомков великий подвиг русского крестьянина, который освоил Вятскую и Пермскую земли и дал хлеб насущный строителям городов.

«Сроки, отведенные историей...»

Последним в истории традиционного старообрядческого крестьянства стал XX век. Время с 1905 по 1917 год называют «золотым веком» старообрядчества. По «Указу об укреплении начал веротерпимости», изданному в 1905 году, староверы получили довольно много экономических и политических свобод, чем мгновенно воспользовались.

Богатейшие российские купеческие кланы – Рябушинские, Мамонтовы, Третьяковы, Кузнецовы, Солдатенковы, Бугровы (Самара) и множество других – были основаны старообрядцами, выходцами из крестьян.

Многие зажиточные крестьяне Пермской губернии были из старообрядцев. «В старообрядчестве концентрировалась самая деятельная и целеустремленная часть населения вне зависимости от сословий. Предприимчивость, жизненная активность крестьянина-старовера, его самостоятельность в принятии решений, безусловно, способствовали достижению экономического успеха», – делает заключение В. В. Тимофеев в своем замечательном по масштабности и глубине исследовании «Русские старообрядцы в XVIII–XX веках: опыт предпринимательской деятельности и общественного служения» (Чебоксары, 2005).

В «Уральской исторической энциклопедии» (Екатеринбург, 2005) приводятся такие материалы о состоянии сельского хозяйства Урала: «После русской колонизации на Урале выращивали озимую и яровую рожь (ядрицу), овес, ячмень, пшеницу, гречиху, просо, горох, полбу, чечевицу. Сеяли лен и коноплю, волокнистые и масличные культуры. Удельный вес зерновых культур менялся в зависимости от природно-климатических условий, опыта народной агрономии, развивавшихся товарно-денежных отношений. В первой половине XVIII века основными культурами, возделываемыми во всех районах Урала, были озимая рожь, яровые овес и ячмень.

...К началу XX века хлеба – рожь, пшеница, овес, ячмень – занимали 96–99 процентов площади посевов и давали 94–99 процентов сбора урожая при средней урожайности в крестьянских хозяйствах ржи 36–47 пудов, овса 39–51, пшеницы 34–50, ячменя 38–51 пуд с казенной десятины».

Неурожаи, конечно, случались, поэтому зажиточные крестьяне вели многопрофильное хозяйство. В нем обрабатывали 60–70 десятин земли, имели мельницу, маслобойку, пасаку, шорные и бондарные мастерские, на скотном дворе содержали коров, лошадей, до 100 голов овец.

Экономические последствия революции и Гражданской войны тяжелейшим образом отразились на сельском хозяйстве. Большевики, придя к власти, считали крестьянина элементом временным, враждебным прогрессу. М. Горький призывал «прикончить эту унижительную зависимость от самой необразованной и косной части человеческого общества». В статье «О русском крестьянстве», написанной в 1922 году в эмиграции, писатель выразил свое отношение к крестьянству: «Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-коллективистов убийствами, поджогами, различными подлостями. Против нас все, что отжило свои сроки, отведенные историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии Гражданской войны. Отсюда естественный вывод: если враг не сдается – его истребляют».

С 1916 по 1922 год посевные площади сократились на 66 процентов, производство зерновых снизилось на 63 процента.

Заготовку хлеба проводили продотряды на основе продразверстки. Отбирали даже семенное зерно, до последнего зернышка. Начался голод. И возникли бунты против новой власти. Они полыхали повсеместно, их жестоко подавляли, а противников политики национализации земли истребляли прицельно.

Пример такого истребления – судьба Андрияна Каменева, зажиточного крестьянина из Нытвы. Грамотный, умелый земледелец, применявший передовые методы ведения хозяйства, Андриян был категорическим противником обобществления земли. На одном из митингов он высказался: «Земля должна принадлежать тем, кто ее умело обрабатывает, а не лодырям». За то, что это высказывание было похоже на один из лозунгов партии эсеров, Андрияна арестовали, увезли в Оханскую контору ЧК, а затем зверски убили.

Однако методы террора не давали хлеба. Кризис продолжался до 1923 года. Угроза переворота и потери власти заставила большевиков частично вернуть рыночные отношения.

Вновь приведу цифры и факты из «Уральской исторической энциклопедии». Восстановление производства зерновых было осуществлено на базе нэпа мелкими крестьянскими хозяйствами. Произошло быстрое восстановление производства зерновых крестьянскими хозяйствами.

Валовая продукция зерновых в Уральской области выросла с 41,5 миллиона пудов в 1921 году до 242,7 миллиона пудов в 1925 году, то есть более чем в пять раз. В 1925 году посевные площади Уральской области составили 90 процентов и валовой сбор зерновых – 94 процента от уровня 1913 года. Единоличный сектор производил 99,4 процента от всего объема зерновых, социалистический – лишь 0,6 процента.

Рыночное отступление оказалось временным. Однако наметившийся курс устойчивого развития был, как известно, резко свернут.

С 1928 года началось форсированное создание колхозов, хлебная торговля была монополизирована государством. Отныне колхозам и совхозам отводилась главная роль в производстве хлеба. Тем самым государство, введя монополию на производство, изъятие и распределение зерновых, получило неограниченную возможность влияния и управления гражданами и обществом. Тогда из деревни в первую очередь постарались выкинуть справных, самостоятельно мыслящих и действующих крестьян. В это число и входили оханские и кунгурские староверы.

Стоит проследить судьбу крестьянских семей, и тогда можно понять, что коллективизация была гражданской войной с сельским хозяином, виной которого часто было всего лишь владение двумя лошадьми да умение растить и хранить хлеб. Эта борьба за обобществление собственности, земли и скота уничтожила и опыт, передававшийся из поколения в поколение.

Сотни тысяч хлеборобов, оторванных от земли, стали бесплатной рабочей силой на стройках пятилетки. Хозяин-труженик был уничтожен. Те, кто доехал до места ссылки, выжили только благодаря своему умению, трудолюбию, терпению. Неправедное, жестокое, бесчеловечное раскулачивание было преступлением как против крестьян, так и против всего народа.

В итоге коллективизация ликвидировала индивидуальные крестьянские хозяйства, а они были основными поставщиками зерна.

Мельники, то есть конкуренты для государства в области переработки зерна, подверглись наиболее жестоким преследованиям. Они и были объявлены главными эксплуататорами деревни, мироедами. На них натравили деревенскую бедноту, провоцируя грабежи, убийства. Раскулаченных семьями вывозили в пустынные ненаселенные места Тюменской, Пермской областей и Алтая, обрекая на массовую гибель. Естественно, что старообрядческое крестьянство, наиболее зажиточное и независимое, пострадало в наибольшей степени.

Мельницы были разрушены, пруды спущены. Когда по пермским деревням спустили пруды, количество гусей, конечно, резко упало, а повальное воровство окончательно их погубило. Нет у нас теперь гусей. Совсем.

Кризис хлебозаготовок продолжался. Колхозы и совхозы не смогли его ликвидировать. Резко упала урожайность, снизился валовой сбор зерновых.

Подобная картина наблюдалась в животноводстве. А ведь в середине XIX века в Пермской губернии было десять конных заводов. В хозяйствах выращивали мериносов и романскую породу овец. В 1910 году в четырех уральских губерниях было 2 753 458 лошадей, 4 670 112 голов крупного рогатого скота, 6 416 760 овец и коз, 871 112 свиней.

«После Гражданской войны в несколько раз сократилось количество лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз, свиней. За период нэпа (к 1928 году) в основном был достигнут уровень 1916 года, однако в коллективизацию значительно сократилось поголовье скота. В 1933 году, по сравнению с 1928 годом, в наибольшей степени сократилось поголовье лошадей, овец и коз (в 2,7 раза), свиней – в 2 раза, крупного рогатого скота – в 1,4 раза. Политика по укреплению колхозно-совхозного сектора не вывела село к 1940 году даже на уровень 1928 года», – вновь цитирую материалы «Уральской исторической энциклопедии».

«Обобществление» скота происходит и в 1950-х годах. Тогда овец из частных крестьянских хозяйств, попросту говоря, отобрали в колхоз. Собранные в наспех сооруженных овчарнях, сотни тысяч голов овец в одну зиму передохли во всей области, потому что не был учтен вековой крестьянский опыт совместного содержания овец и коров. С тех пор овцеводство в Пермской области отсутствует как отрасль.

Норма крестьянского надела на Урале была относительно высокой, по сравнению с другими районами страны. В начале XIX века надел в Вятской губернии составлял 9 десятин, в Пермской губернии – 9,5 десятины (напомню читателю, что десятина равнялась 3 200 квадратным саженьям, или 1,45 гектара). Колхознику же оставили приусадебный участок размером лишь 6 соток.

Социальные и морально-психологические последствия неразумной политики были не менее серьезны. В значительной степени оказалась разрушенной сложнейшая система человеческих взаимодействий в деревне, система отношений крестьянина к природе и Богу.

Аграрная революция привела страну к всеобщему голоду. В какой-то степени крестьянство сохранилось, выжило и существует, а коллективизация, в конечном итоге, все-таки провалилась.

Крестьянская жизнь – это сложная система социальных взаимодействий, взаимопомощи и взаимозависимости. Крестьянство упорно хранило ее ради выживания. Сейчас ситуация все же меняется к лучшему. Что ж, как говорится, время покажет...

Семейный альбом

Как продолжалась жизнь крестьянина-кержака в лихие времена Гражданской войны и коллективизации? Как сказались исторические катаклизмы на судьбах людей? Как жили раскулаченные семьи после ссылок и каторги? Кем стали их дети? Полистаем раздел книги «Семейный альбом»... Многие из этих снимков долгие годы лежали на дне сундуков. Их никогда никому не показывали, даже своим детям!

Семья Пищальниковых

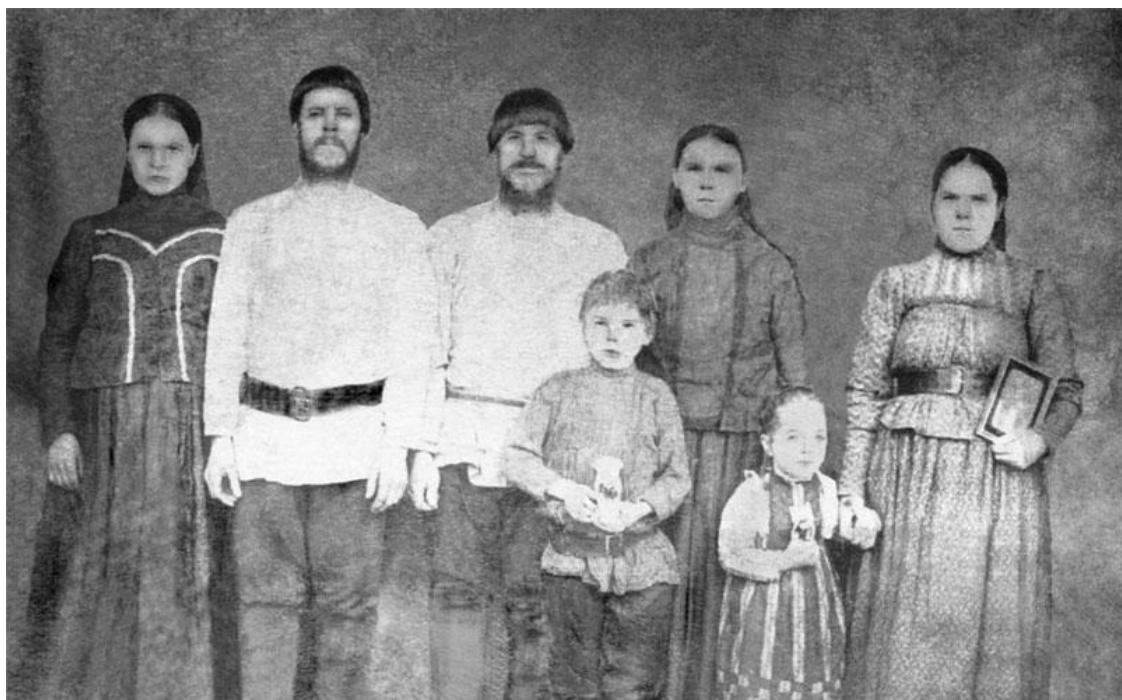
О своей семье рассказал Леонид Иосифович Пищальников. Он «классический» кержак и своей энергией, и характером, и внешностью.

Природа щедро одарила этого человека: он и собой до сих пор хорош, и талантлив. Он прекрасно рисует и фотографирует, писал стихи, которые, как и свои журналистские материалы, публиковал в местной и общесоюзной прессе.

«Оба мои деда были двадцать вторыми в своих семьях! А всего их, сестер и братьев, было рождено то ли по 23, то ли по 24!»

На снимке 1995 года Леониду Иосифовичу Пищальникову 73 года!

Так выглядела кержацкая семья среднего достатка. Мужики в косоворотках, подстрижены «в скобочку», обязательно с бородой. Женщины в юбках с кофтами, которые сшили сами. Девочку по праздничному случаю принарядили.

На снимке 1909 или 1910 года: Ефрем Ульянович Пищальников (в центре) с женой Евдокией, сын Григорий Ефремович и его жена Татьяна (слева). Рядом с Евдокией Пищальниковой-старшей стоят ее дочь, тоже Евдокия, и внучка Дарья. Мальчик – Иосиф Ефремович, отец Леонида Иосифовича.

Григорий Ефремович, кузнец, силен был немерено, зимой без шапки ходил. Этого грамотного, работающего 40-летнего мужика расстреляли в 1930 году за то, что высказывал неодобрение коллективизации: «Одобряешь?» – «Не одобряю». – «Расстрел». Вот как было...

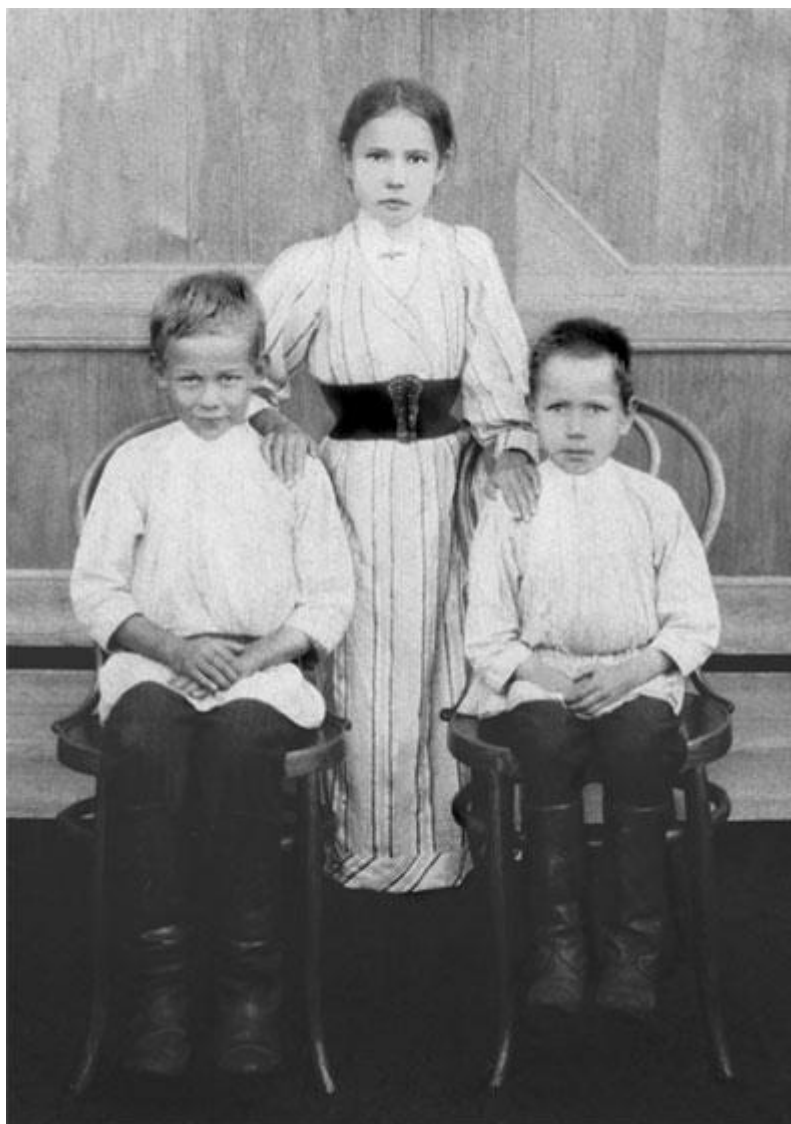
Ефрем Ульянович Пищальников с дочерью и внуками.

Прохор Иванович и Татьяна Ефимовна Польшгаловы, родители матери Л. И. Пищальникова Марии Прохоровны. Снимок сделан около 1910 года в деревне Луговой (затопленной при пуске ГЭС).

Семья Польшгаловых была весьма зажиточной, достаток зарабатывали все, от мала до велика, тяжелым крестьянским трудом. Прохор Иванович был грамотен, пользовался в общине уважением, избирался главой (старостой) староверов своей волости. В доме было много рукописных и старопечатных книг.

Прохор Иванович, мощный высокий мужик, имел авторитет непререкаемый. Был для семейства и агрономом, и экономистом, и менеджером, и учителем-воспитателем.

Мария Прохоровна Польшгалова, в замужестве Пищальникова, с братьями Максимом и Иваном. Снимок сделан, очевидно, возле крепких, новых ворот дома. Дети принаряжены, аккуратно подстрижены и причесаны. Предмет гордости мальчиков – сапоги!

Снимок 1937 года. Прохор Иванович в ссылке в Красновишерске. Все отнято, кроме древлеправославной веры. В 1944 году Прохор Иванович вернулся в родные края, упорным трудом снова заработал на дом. По-прежнему служил старообрядческому сообществу. Преставился ко Господу в 1951 году.

Мария Прохоровна Пищальникова. 1957 год. Мария рано вышла замуж – в 16 лет. Сватать приезжали на 10 лошадях! Овдовевший Ульян Ефремович торопился женить сына, чтобы в доме была женщина-хозяйка. Неописуемо тяжкий груз всегда лежал на плечах этой женщины. С 16 лет – и ребята, и огород, и полный двор скотины, и жатва с покосом...

Мария Прохоровна на снимке в первом ряду, в центре, за ней Леонид Иосифович. Родители разорены и сосланы, на Великой Отечественной войне погиб муж, ушел на фронт старший сын. Вскоре пришла «похоронка» и на него. Все средства к существованию – двор с коровой и курицами да небольшой огород. Оставшись почти неграмотной, Мария Прохоровна все силы отдала тому, чтобы сыновья получили образование. Снимок 1958 года. Менее чем через год Марии Прохоровны не станет...

«Тайная вечеря» в 1960 году. Осиротевшие дети поминают любимую маму Марию Прохоровну. За окнами темно, занавески задернуты, на часах за полночь, на столе накрыт скромный поминальный ужин. Сидят приглашенные сыновьями старообрядцы, которые помянули усопшую согласно канонам древлеправославной веры.

Тогда, в советское время, так поступали многие коммунисты и комсомольцы. В знак глубокого уважения своих родных провожали и поминали по старинному обычаю. Делать это приходилось тайно, поскольку участие в религиозном мероприятии было запрещено.

Старший из сыновей, Леонид Иосифович (стоит справа), взял на себя заботу о младших братьях. Все поднялись, выучились, у всех прекрасные семьи.

Семейство Леонида Иосифовича Пищальникова. Супруга Нина Николаевна и сыновья: Михаил (стоит) и Дмитрий. Снимок 1975 года. Леонид Иосифович – заместитель генерального директора научно-производственного объединения «Пермлеспром». Супруга – учительница.

В настоящее время старшие Пищальниковы на пенсии. Дмитрий Леонидович – боевой офицер, подполковник ОМОНа. Михаил Леонидович – предприниматель.

В XX веке ни одна из бед не обошла эту семью. Ввергнутые в полную нищету и неграмотность, они с кержацким упорством боролись за свое будущее, за судьбы детей. И поднялись. Прохор Иванович со всей своей статью, энергией и талантами возродился в правнуках и праправнуках!

В знак любви к родителям и глубокого уважения к своим замечательным предкам Михаил Леонидович Пищальников организовал и финансировал издание этой книги.

Семья Овчинниковых

О своих родителях рассказала Татьяна Титовна Овчинникова, в замужестве Городилова.

Овчинниковы были ревностными старообрядцами. Трудом нескольких поколений этой семьи в начале XX века был создан пруд, построена мельница. Семья раскулачена, сослана в Сибирь. Дом отобран, плотину разрушили, пруда давно нет. Сохранившаяся родительская усадьба – редчайший снимок настоящей новгородской избы. Огромный дом выходит на улицу зимней частью (зимующей). Домик слева служил мастерской.

Тит Федорович Овчинников и его жена Татьяна Ивановна (бывшие владельцы дома) после 20-летней сибирской ссылки. Полстраны прошла эта женщина за телегой, на которой сидели дети и был сложен нехитрый скарб. Трудиться пришлось и на лесоповале, и на разделке рыбы. Семья жила впроголодь, ни единой рыбины взять было нельзя. Иногда ночью Тита Федоровича уводили, и жена не знала, вернется он или нет. Из Сибири они привезли восемь детей.

Иван Федорович Овчинников, брат Тита Федоровича, с женой Маремьяной и детьми. На нем черная шляпа – значит, он часовенный старовер. Могучий был мужик Иван! Во время Первой мировой войны в Австрии попал в плен, в работники к австрийскому фермеру. Так тот пахал на нем! Иван бежал из плена, пешком пришел на Урал из Австрии!

Семья Власовых—Шадриных

О своей семье рассказала Нина Федотовна Власова, в замужестве Хренова.

Мария Андреевна Мазунина (слева), бабушка Н. Ф. Хреновой, с семьей подруги Гаши. Маше 15 лет. Рядом с Марией: Гаша, ее муж, сестра, мать и брат. Женщины-кержачки любили и умели принарядиться. Красивые шали, блистающие белизной блузки, кожаные ботиночки. Заметьте, это крестьяне, которые каждую ниточку на себе заработали. Эти женщины, чьи лица так спокойны и чисты, каждый день и не поодинова (а иначе нельзя!) кормили скот, обихаживали огород, их изба сверкала чистотой, испечен был хлеб, готов обед для семейства из 10–15 человек. Кержачки были невероятно талантливые хозяйки. Все, что они делали, делали превосходно, их научили этому еще лет в пять! Все у них – и дома, и на огороде – блистало, сверкало, росло и плодоносило. Мои знакомые кержаки соврать не дадут: так и было!

Семья Власовых перед своим домом. Иван Иванович с братьевыми построили собственную часовню. У всех были прекрасные голоса. Собираясь вместе, они пели. Часовенные староверы носили черные валяные или суконные шляпы, они были беспоповцами, хотя приходящих священников подвергали проверке по своим книгам на предмет начитанности и чаще всего отвергали. Книг имелось множество. Время от времени устраивалась «пря о вере», или богословский диспут. Старики, нагрузив две—три телеги книг, отправлялись в соседнюю деревню, где их ожидали с таким же количеством книжной мудрости. По несколько дней с утра до ночи они спорили, ища подтверждений в текстах.

Мария Андреевна и Никифор Иванович (справа) Власовы с детьми. Марии 26 лет, у нее уже шестеро детей. Иван Иванович Власов (слева) был грамотным, прекрасно знал старообрядческую литературу и старинное «знаменное» церковное пение. На полях книг остались его рукописные пометы, например: «Такоже мыслю»...

Семейство Власовых было зажиточным, держали собственную мельницу, имели большое хозяйство. В 1935 году они были раскулачены, отправлены в ссылку. Иван Иванович, этот крестьянин-философ, а также Мария Андреевна в ссылке погибли. Никифор вместе с детьми бежал, детей раздал по родне, а сам так и скрывался в лесной землянке до конца дней своих.

Могучий был мужик Никифор, ворочал на отцовей мельнице. Ростом Мария была мужу по плечо. Для этого снимка ее поставили на скамеечку. Вот крестьянская пара: здоровые, трудолюбивые, плодovитые. Основа основ любого народа, любой страны. За что уничтожили этих замечательных крестьян?!

Федот Власов случайно выжил в ссылке. Вырос он в чужой семье. Добровольцем 17 лет от роду пошел на фронт Россию защищать! На этом снимке ему уже 20 лет, за плечами три года боев.

После войны Федот стал журналистом газеты «Чусовской рабочий». Хорошо знал начинавшего там же великого русского писателя Виктора Астафьева.

На этом снимке дочь Федота – Нина – со своей прабабушкой со стороны матери, Агриппины Афанасьевны. Прабабушка, Евдокия Ефимовна Шадрина (в замужестве Калина), родилась в деревне Нижняя Ослянка на Чусовой. Евдокия Ефимовна в традиционной староверческой одежде: сарафан – дубас, подпоясанный длинным (3–4 м) тканым поясом, на голове – сорока. Через Агриппину Афанасьевну породнились два кержацких клана: Власовы и Шадрины.

Неисчислимое количество внуков—правнуков прошло через теплые руки Евдокии Ефимовны. Крупная была женщина, вспоминает Нина Федотовна, где-то под метр восемьдесят, мощная, сильная. Оно и неудивительно: Шадрины издавна были сплавщиками на Чусовой.

Почти сто лет — столько прожила на свете Евдокия Ефимовна, передав потомкам бесценное наследие кержацкой культуры. А мне через Нину Федотовну подарила «Слезы лиственницы».

Нина Федотовна вспоминает, что, будучи активной пионеркой, она заявляла бабе Дуне: «Баба, нету Бога-то, раз Гагарин его не увидел!» На что неграмотная баба Дуня отвечала: «Дак ты слушай, что Гагарин-то сказал: маленькая, мол, земля-то, беречь ее надо. Ну дак вот, Господь ему дал это увидеть и другим сказать. Чё Господь даст увидеть, то человек и увидит».

Так получилось, что Нина в 10 лет лишилась матери. Ее воспитывала прабабушка Евдокия Ефимовна. В памяти Нины навсегда осталось путешествие в Ослянку по Чусовой на лодке: мощная река, скалы, таинственная пещера – «печь». В Ослянке издавна жил целый клан Шадриных. На снимке два брата Евдокии Ефимовны со своим потомством. Тоже долгую жизнь прожили, за 90 лет. Все Шадрины были староверы беспоповцы. Деревня Нижняя Ослянка стояла вблизи пересечения древнего Гороблагодатского тракта (Кунгур – Крутой Лог – Кумыш – Кын – Серебрянка – гора Благодать) и тракта на Кумыш, начинавшегося у Крутого Лога. Старинные староверческие дороги, деревни по ним тоже стояли староверческие, беспоповские. Кержацкий край! Издавна мужики брали у Демидовых подряды на лесные делянки, рубили и сплавляли лес, жгли остатки на уголь для заводов. Причем за уголь с ними рассчитывались золотыми монетами! Может, это и были монеты Демидовых собственного чекана?!

Варвара Петровна, дочь Евдокии Ефимовны, с мужем Афанасием Ивановичем Гуляевым, бабушка и дедушка Нины Федотовны. Лица хорошие.

Нина Федотовна вспоминает, что, глядя на все выкрутасы XX века, баба Вера ничему не удивлялась: «А чё, деды-то все видели вперед, все сказывали, чё будет. Земля вся, мол, сетью покроется, все под сетью станут жить. Чё здесь скажут, в Москве слышно будет. Из семи, мол, деревень одна останется, из семи городов – один. И чё, разве не так в войну сталося? А после войны как деревни запустили, глянь-ко, чё... Дед-от мой еще так говорил: и народу, мол, русского будет, как ягод на обобранной черемухе. Может, и до того доживем». Баба Вера не дожила. Неужто доживем мы?!

Обо всех этих людях еще рассказывать и рассказывать.

Нина Федотовна с дочкой и бабушкой Варварой Петровной.

Дед Афанасий Иванович очень хотел сам окрестить правнучку, да не дожил маленько, Царствие ему Небесное...

Нина Федотовна Хренова с книгами своего прадеда Ивана Ивановича Власова.

Не один десяток лет книги пролежали в земле. Хранить их дома деревенским жителям было небезопасно. Не раз случалось, что, узнав про книги, музейные работники являлись с милицией и книги отбирали, заявляя: «Это все теперь не ваше, а народное достояние». Народное!

В наше время к старикам в деревенский дом могут нагрянуть другие грабители – охотники за стариной.

Семья Коровиных—Беклемышевых

Рассказывала Елена Васильевна Беклемышева (Коровина), моя свекровь.

Это предки моего мужа. На снимке: Иван Незнаев (в центре) с супругой (ее имя неизвестно). Справа дочь – Александра Ивановна Коровина, за ней стоит ее муж Николай Васильевич Коровин.

Внешность и осанка Ивана образцово кержацкие. У старшей Незнаевой явно не славянская внешность, судя по форме серёг (их кержачки вообще не носили) – это татарка. Говорят, была очень красива в молодости. В каждом поколении ее потомков одна из женщин была точной ее копией. Из дочерей красавицей была Анна (крайняя слева).

Зять Николай Васильевич вырос в семье Коровиных. Остался сиротой, был ростиком мал, худ, вдобавок один глаз почти не видел. В дом взяли потому, что «шибко был умный и грамотный». И парень не подвел вскормившую его семью. Толковый самоучка работал в конторе гремячинской шахты, пристроив жену экономкой в дом управляющего.

После революции семья, вернувшаяся в деревню, очень бедствовала. Снимок можно датировать 1910 годом.

Дмитрий Беклемышев. О нем мало известно. Он был ревностным старообрядцем. Судя по форме, он казак, награжден двумя медалями, значит, воевал на Первой мировой войне. Снимок примерно 1916 года.

Коллективизацию Дмитрий не принял, в колхоз не вступал. Землю у него отняли. Жил в полной нищете. Был умелым скорняком, тем и кормил семейство. Деревня Рождественская возле Карагая.

Елена Алексеевна Беклемышева, правнучка Дмитрия Беклемышева и праправнучка Ивана Незнаева, в день свадьбы. Внешность унаследовала от своей прапрабабки. Молодожен Сергей Шардаков тоже кержацких корней, из-под Кунгура. На фото они студенты-медики. Предки не зря копили для них красоту и ум!

Большинство потомков этого разветвленного семейства сейчас образованные люди, живут в Перми.

Семья Блиновых

Рассказала о семье Любовь Прокопьевна Блинова (в замужестве Мацова).

На снимке: Прокопий и Ирина Блиновы с внуком, 1976 год. Это кержаки алтайские. Семья Ирины была зажиточной, держали огромное хозяйство. Разводили маралов, вели торговлю с Китаем. Разорение коллективизацией, нищета, рабский труд в колхозе, бегство из колхоза. Оба остались малограмотными, на их долю выпал только тяжелейший, черный труд.

Ирина была настоящей кержачкой, имела нестигаемый характер, особую кержацкую упертость, гордыню и умения. В самое трудное время из ничего, на своих горьких слезах, к празднику пекла и ставила на стол по девять (!) видов пирогов. Семь ее дочерей получили высшее образование.

Любовь Прокопьевна (вторая справа) с семьей. В знак признательности своим родителям, ради поминания их, в 2005 году Любовь Прокопьевна финансировала первое издание моих рассказов о кержаках.

Семья Вохминовых—Каменевых

О своих предках рассказала Галина Николаевна Варганова.

Маремьяна Севостьяновна Вохминова, героиня рассказа «Маня-комиссариха и Маремьяна Севостьяновна».

Хоть ее судьба и не была типичной, одного взгляда достаточно, чтобы понять, что это — классическая кержачка!

Григорий Мокеич, сын Маремьяны, сгинул в Гражданскую войну. Внучка унаследовала от бабушки только прекрасный голос.

Андрян Каменев из приписных крестьян нытвенского завода Строгановых. Его судьба и подлинное имя упоминаются в рассказе «Тимка-гоёнок». Влюбленный в землю культурный крестьянин, человек замечательный, убежденный пацифист, он зверски уничтожен, вдобавок оболган. В пермскую историю он вошел как пособник террористов, «ярый эсер Каменев». Это ложь, и пусть это будет известно.

Семья Чудиновых

О семье вспоминал Сергей Константинович Чудинов.

На снимке: Константин Гаврилович (1877–1934), его супруга Мария Алексеевна Чудинова (Чазова) и дети. 1916 год Семейный клан Чудиновых, большой, разветвленный, корнями уходит в историю нашей земли. Один из Чудиновых, простой крестьянин-старовер из-под Очера, управлял всей Пермской конторой Н. Мешкова, и знаменитый судовладелец доверял ему во всем. Многие из Чудиновых утратили связь с древлеправославием, однако кержацкая струнка в характере и деятельности у них была. Предки были очерскими крестьянами. Дед Гаврила Александрович, грамотей-самоучка, нанимался волостным писарем.

Семья была интеллигентная, читающая. Библиотеку отца Константина Гавриловича составляли 1000 томов классики, литературы о селе, о природе. На арендуемой земле исследовались новые сорта сельскохозяйственных культур, использовались новейшие машины и механизмы. Прибыли это давало немного, частенько и жалованье уходило на новшества.

В 1914 году Константин Гаврилович был одним из организаторов съезда крестьян-кооператоров в Оханске. Интересно сказал он: «...Говорят, что человек человеку волк! Говорят, что человек с человеком на грызне и сваре строит свое благополучие, свое счастье. Говорят, что борьбою между людьми ведется история человечества и устройство его жизни. Нет, не враждой, а любовью должна руководствоваться жизнь человеческая. Наша идея есть идея мирного развития, основанного на гуманных чувствах человека, на его любви к ближнему...»

Вот такие провидческие слова звучали в Оханске в 1914 году, накануне мировой бойни. Накануне зверских плясок «классовой борьбы в деревне». Почему эти мысли не были поддержаны?

Советской власти люди такого типа были не нужны. В 1934 году этот деятельный, грамотный, культурный человек, 56-летний отец многодетного семейства, был арестован, а в 1937 году расстрелян.

Мария Алексеевна одна вырастила четырех сыновей (еще четверо детей в разное время умерли). Крест свой эта женщина несла стойко, работала-работала-работала. Высшее образование получили трое ее сыновей.

Мальчик на снимке – Петр Константинович, родившийся в 1912 году. Он вырос, закончил геологический факультет Пермского университета. Во время геологической работы возле родного Очера нашел окаменевший череп звероящера. И... отправился с ним к Ивану Ефремову, знаменитому палеонтологу, автору книги «Туманность Андромеды»! Стал его учеником, соратником и другом. Работы П. Чудинова получили мировое признание.

Семья Туровых—Овчинниковых—Беклемышевых

Григорий Филиппович Туров (справа), мой дед, во время солдатской службы в охране Кремля и высочайших особ, в частности царской семьи. 1903 год. В деревне Малое Турово пользовался большим уважением, был грамотен, исполнял обязанности начетчика. Старовер-беспоповец. Жил зажиточно, имел огромную пасеку. Раскулачивания избежал, сдал мельницу в колхоз. Деревня Малое Турово насчитывала всего восемь дворов, все были друг другу родственники. Жили согласно, не раскулачен никто.

Апрель 2004 г.
Том 174, № 4

УСПЕХИ ФИЗИЧЕСКИХ НАУК

*Уважаемой землячке Валентине Ивановне Обвинниковой
с искренним пожеланием успехов в ее благородном писательском труде*

Евгений Акимович Туров

(к восьмидесятилетию со дня рождения)

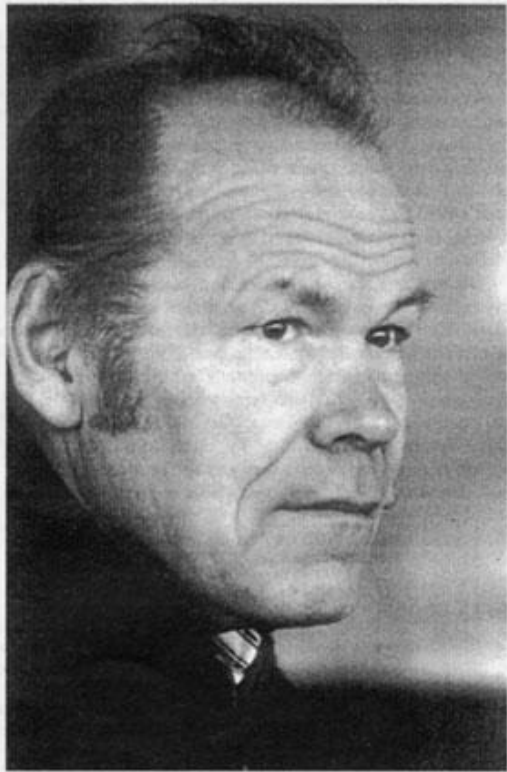
*16 июля 2004 г.
Евгений А. Туров
— Миссо-Туровский*

27 января 2004 г. исполнилось 80 лет известному физико-теоретику, члену-корреспонденту РАН Евгению Акимовичу Турову.

Е.А. Туров родился в Пермской области. В 1941 г. он поступает в Уральский государственный университет им. А.М. Горького, но вскоре уходит добровольцем на фронт. До 1944 г. он в действующей армии на Волховском фронте. В 1944 г. после тяжелого ранения и длительного лечения Евгений Акимович возвращается в Уральский университет, который заканчивает с отличием в 1949 г., и поступает в аспирантуру при Институте физики металлов Уральского филиала АН СССР. С тех пор вся научная деятельность Евгения Акимовича связана с этим институтом, где он работал на всех должностях от старшего лаборанта до заведующего отделом и заместителя директора института. В течение 25 лет он возглавлял отдел теоретической физики и работал по совместительству профессором Уральского государственного университета. За это время он подготовил свыше 20 кандидатов и 10 докторов наук, создав тем самым свою научную школу — одну из ветвей обширной уральской школы физиков-теоретиков.

Деятельность Е.А. Турова охватывает практически все основные направления в теории магнетизма: разработку симметричного подхода к исследованию свойств магнитоупорядоченных веществ; развитие квантовомеханической теории магнитного резонанса в магнетиках и его использование для изучения свойств магнитных материалов; детальное теоретическое исследование кинетических явлений в магнитных средах; изучение динамики доменных границ и других солитоподобных объектов и др.

Можно указать ряд конкретных результатов, полученных самим Е.А. Туровым или при его непосредственном участии. Он был первым, кто применил метод вторичного квантования к s - d обменной модели С.В. Вонсовского (1953 г.), что сделало гораздо менее громоздкими расчеты кинетических свойств магнетиков, и впервые последовательно рассчитал магнитную часть электросопротивления. Далее, в соавторстве с Ю.П. Ириным (1956 г.) он впервые рассмотрел связанные

Евгений Акимович Туров

вым на этой основе. Разрешен вопрос о споре в литературе между так называемыми моделями "свободной" или "застывшей" решетки ("свободной" для квазифонов и "застывшей" для квазимагнонов). Важную роль

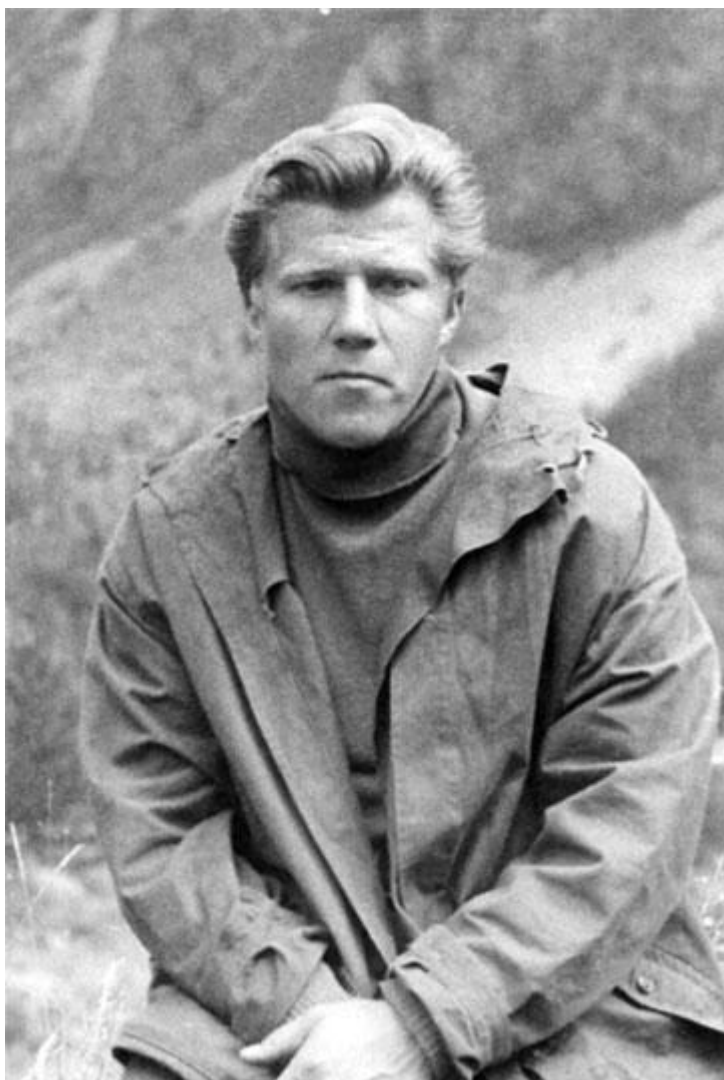
Евгений Акимович Туров. Родители Е. А. Турова жили в деревне Малое Турово. Аким и Фекла Туровы в 1930 году сами построили плотину и мельницу, начали ставить новый дом. Аким зимой нанимался на Очерский завод. Мастер был на все руки. Предупрежденный родней о грозящем аресте, Аким с семьей бежал ночью из деревни. Работал на Уралмаше, был прекрасным механиком, изобретателем. Его сын, Евгений Акимович Туров, физик, член Президиума Российской академии наук. 17-летним добровольцем Евгений Акимович пошел на фронт, защищал Великий Новгород. Живет в Екатеринбурге.

Жених и невеста: Иван Овчинников и Евдокия Турова. «Друг другу обещались...» В следующий раз они увидятся через 10 лет... Дуся для Ивана всю жизнь была как свет в окошке. Однако Григорий Филиппович не считал Ивана достойной партией для любимой дочери. Иван трижды сватался, но получал отказ. Евдокия против воли отца не пошла, стала женой другого. Только в 1947 году вернувшийся из Германии Иван разыскал овдовевшую к тому времени Дусю и они поженились.

Иван Васильевич и Евдокия Григорьевна Овчинниковы, мои родители. 1970 год. Отец работал директором пивзавода, мама – учительницей. То, какой хозяйкой была мама, – мой недостижимый идеал.

Виктор Иванович Овчинников, мой брат. Умеет все! Прекрасный механик, изобретатель и плотник. Очень похож на Акима Турова! Сейчас у него небольшой бизнес – лыжная трасса в Заозерье.

Валентина Ивановна Овчинникова, автор этой книги. Сейчас я доцент, преподаю в институте высшую математику. Замужем за Алексеем Михайловичем Беклемышевым. Он лауреат премии Совета министров СССР за создание уникального фильтра для космического корабля «Буран». Наша дочь Катерина – студентка Московского физико-технического университета.

Крест семьи Юрковых. Передается из поколения в поколение с XVII века как символ преемственности традиций.

Слезы лиственницы

*Срубленная лиственница долго-долго, годами, исторгает из
своего тяжелого, каменно-твердого тела длинную медленную смолу.
Говорят: лиственница плачет...*

*Смотри, Господи, – вот мы...
Мы уходим на дно памяти.
Научи нас дышать...*

Б. Гребеничиков «Русский альбом»

Часть первая

Штофик с ядом и телица легкого поведения

В Пермской губернии водку не пьют. В Пермской губернии пьют кумышку. Вот во Франции есть коньяк, а в Перми – кумышка. И точно так же, как есть плохой коньяк, бывает и дрянная кумышка. Более того, в деревнях (на свадьбе особенно) можно глотнуть (и одного раза хватит!) кумышку с добавлением и табака, и мухоморов, и даже сушеного куриного помета. Это для экономии, чтоб гостям скорее в голову шибануло. Но если вы попробуете кумышку, очищенную на березовых углях, выдержанную в лиственничном бочонке, настоящую на травах и кедровых орехах, вы скажете: «Ну и пусть во Франции пьют коньяк! У нас есть кумышка!»

Господин Пьер Дюро, оханский уездный пристав, опрокинул стопку кумышки, совсем уж по-русски крикнул и заел впечатление соленым рыжиком.

– Выхлебат, сколь ни поставь. Обык он уже, Дуро-то. А не поставишь – ничё будто не понимает, глядит. Чё ему – немец.

– Не немец. Хранцуз.

– Да все одно – немец.

Как многие обрусевшие иностранцы, Дюро считал, что смотреть на Россию трезвыми глазами невозможно. Оказавшись двадцати лет от роду в русском плену, он, Пьер Дюро, дворянчик с юга Франции, жил в России уже тридцать лет.

Границу России, дабы одержать победу над ее древним деспотизмом, он переступил в должности батальонного командира Наполеоновской армии. За ним следовали семнадцать повозок (добыча в Апеннинах), три кареты и две любовницы.

Он знал, что император Наполеон обещал даровать народам России конституцию и благо народа здесь отныне станет высшим законом. Конечно, война есть война, и привычный для народов уклад жизни теперь нарушен, но следующие поколения будут в тысячу раз более счастливыми. Ведь у них будет свобода!

При этом Пьер Дюро и другие французы считали, что за это благодеяние нужно платить хлебом, мясом, фуражом и что это невысокая плата. Но русские крестьяне так не считали. Они ничего не хотели платить за свою свободу, более того, сами охотно грабили богатые армейские обозы. В результате оказалось, что Наполеон покусился как на собственность крестьян (мясо, хлеб, фураж), так и на собственность помещиков, желая этих самых крестьян освободить. И тем, как ни парадоксально, сплотил противника.

Правда, какие-то московские староверы поднесли Наполеону хлеб-соль, мечтая получить равноправие в вере своей, какое он уже даровал протестантам Франции. Но взамен те же староверы вовсе не собирались давать ни мясо, ни хлеб и отбивались от фуражиров точно так же, как и вся прочая Россия.

Под Можайском батальон Дюро наскочил на засаду. Какие-то дикие, лохматые с визгом выскочили из леса, отряд переколотили, захватив все добро. Пьер Дюро лишился и повозок, и карет, и даже любовниц. Слава богу, жив остался, увидел древнюю столицу Московии. В плен Дюро сдался сам. Когда он мысленным взором обернулся из Москвы назад, ужас объял его. Не помогли и воспоминания о славных битвах под Каиром, у пирамид, при Абукире. Простая, грубая смерть – вот что виделось французам в этом неопишемом пространстве, которое они так быстро оставили за спиной, когда шли к Москве. Наполеон, подобно ящерице, отрывающей хвост, бросил войско, предоставив русским самим решить, что делать с голодной и замерзающей толпой. За свою военную карьеру он это проделывал неоднократно, и хвост неоднократно отрастал.

Пьер Дюро знал, что русские убивают не всех пленных, что выжить можно, а там как знать... Быть может, император еще вернется.

Жительство ему определили в губернском городе с варварским именем Перм. Так в Москве сказали: Перм. В Перми он просидел в губернской канцелярии Министерства внутренних дел до самого указа, даровавшего ему свободу идти на все четыре стороны. У господина Дюро, обремененного к тому времени семьей, в кармане практически не было ни гроша. Ну, куда он тронется на склоне лет?! Постепенно пришло сознание, что Францию он уже не увидит. Дюро стал попивать. Для выхода в отставку по выслуге его отправили в уездный Оханск приставом. Чего только не бывает в жизни: в Оханске, кондовом староверческом краю, уездный пристав – француз!

Идеалы свободы позвали Дюро в далекую Россию: «колосс на глиняных ногах, народы которого только ждут нашего сигнала». А теперь он жандарм в самом, наверное, медвежьем углу этой России. Даже в Перми ему не было так трудно, как здесь. В Перми он хотя бы думал, что уже знает русский язык... Одно только и примиряло с действительностью: в деревнях возле Оханска жили старухи, мастерицы кумышку гнать. Примешь – и взгляд правильный. Взгляд на все. Ездить ему пришлось по деревням уезда. Обыски проводить. Надо же как-то описать, где был, что видел. Вот и пишет, как народ сказал: «Крестьянин Осип Усталов. Однодворный починок возле села Дебёсы. Изба еловая, облая, перед избой сенцы и клеть на подклете из заплоти. Крыша на самцах с охлупнем, причелины зашиты топорным тесом. Им же в одну тесицу крыта изба, а двор крыт скальем». Ну? Правильно, хлебнешь кумышки и все понятно. Еловая изба, облая. А какой ей еще быть-то?!

На Осипа Усталова приходил с жалобой житель соседней деревни Дебёсы Евсей Прокопьев. Уж по осени дело было. Заявил на Осипа, что тот сожительствова с его, Евсея, телицею и что есть он, Осип, мерзопакостный греховодник. Все лето так творил этот страм, в чем есть свидетели – братьевья Евсея. Осип греха не отрицал.

– Робят много, кормить нечем. Своя корова отелилась бычком. Куды подёшь? Но телицу я ничем не забижал, а даже иной раз кормил. А платить мне нечем.

Оная телица легкого поведения, осмотренная приставом, твердо стояла на всех ногах и глядела на Осипа кокетливо. Вреда никакого не усматривалось. За что платить?

– Пользовал Осип мою телицу все лето – пусть платит, – заявлял лапотный сутенер.

У бедолаги Осипа Усталова, и верно, изба была бедная, всего одна лошадь да одна корова, а малых ребят трое. Пришлось ему вынести церковную епитимью да сколь-то колотушек от Евсеевых братьев, разозленных тем, что все лето попусту время тратили на их с телицей шашни. Раздобревшую на греховном промысле телицу легкого поведения продали

на ярмарке в Оханском, а дело, содержащее два обыска и три допроса, Дюро закрыл. Вот такая тут, в деревне, служба.

Когда Пьер Дюро в первый раз заехал к староверам, он подумал было, что попал в другую страну. В Перми его сильно пугали этими знаменитыми русскими фанатиками. Он ожидал увидеть тут, ну-у, кого-то... увидишь – мороз по коже. Зашел он в деревню Верхние Кизели. Небольшая деревня на берегу пруда, опрятна неопишимо. Мельницы: водяная на плотине и ветрянка крыльями крутит. Маленькая, теплая, хорошо устроенная вселенная в зеленой раме высоченного елового леса, прилепившаяся к подножию угора. Дома огромные, в домах чистота просто уже свирепая, все выскоблено и вычищено. Пьяных нет ни одного, никто не курит. Народ степенный, знай себе, робит. Попробовал Дюро осторожно выяснить в Оханске, в чем же тут проблема с этими староверами, но так ничего и не понял. Сложно это все, с двоеперстием, аллилуйей, сложно, да и не в этом дело. Не признают они официальную церковь, не платят за все крещения-венчания-отпевания, убыток от них? Какой убыток, если на них подать двойная, а недоимок нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.